РОВЕСНИК

РОВЕСНИК

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

Февраль, 1978 год, № 2

На первой странице обложки: «Друзья» — так называется снимок фотографа из ГДР Томаса Билхардта, на котором вы видите советского солдата и немецкую девочку. Снимок с выставки «Интерпрессфото».

2. **Ю. Степанов.** ОСОБАЯ ДЛЯ НАШИХ ДУШ МИНУТА
3. 60 ЛЕТ СОВЕТСКИМ ВООРУЖЕННЫМ СИЛАМ
6. «ФЕСТИВАЛЬ!» В ПЕРЕВОДЕ НА КАЖДЫЙ ЯЗЫК
6. **Фолькер Юнге.** НАШ ТОВАРИЩ КОМСОМОЛ
8. **Радован Рихта.** ЧЕЛОВЕК — ОБЩЕСТВО — ЗАКОН
11. **Джон Питтман.** ДВОЙНАЯ АМЕРИКАНСКАЯ БУХГАЛТЕРИЯ
12. **Джэк Ньюфилд, Поль Дю Брал.** «Я ЗА НЕГО, ПОТОМУ ЧТО ОН ПРОДАЖЕН»
16. **М. Туровская.** ПУТЬ К СОСЕДЯМ
19. **Чарльз Шаар Мюррей.** МУЗЫКА С ТОНУЩЕГО КОРАБЛЯ
22. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
24. **В. Гескин.** «ПОЧЕМУ Я ПРЫГАЮ? — ПОТОМУ ЧТО НЕ МОГУ НЕ ПРЫГАТЬ»

НАВСТРЕЧУ XVIII СЪЕЗДУ ВЛКСМ:
«Наш товарищ комсомол» — письмо из Западного Берлина.
60 ЛЕТ СОВЕТСКОЙ АРМИИ:
«Особая для наших душ минута» — беседа с одним из авторов фильма «Солдаты свободы».

АФИНЫ. Здесь состоялся фестиваль Коммунистической молодежи Греции (КНЕ) и ее газеты «Одигитис». Праздник собрал беспрецедентное число участников — 350 тысяч человек, среди многочисленных зарубежных гостей были посланцы молодежи СССР, ГДР, Кубы. Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Греции Харилаос Флоракис, выступивший на закрытии фестиваля, отметил, что молодежь страны демонстрирует свою волю к новой жизни, свободной от «покровительства» США и НАТО, от господства монополий.

БЕРЛИН. «Мир — Дружба — Солидарность» — так называется школьный клуб города Любмина. Он был организован в 1961 году. За это время накоплен интересный опыт интернациональной работы. Ребята из Любмина переписываются с советскими пионерами и комсомольцами и получают множество материалов, которые используют в подготовке выставок о жизни нашей страны. Больше всего члены клуба гордятся письмом, полученным от Юрия Гагарина. За отличную работу представители клуба «Мир — Дружба — Солидарность» получили право участвовать в большом молодежном празднике Красного Октября.

На снимке: среди разнообразных занятий ребят из любминского клуба не последнее место занимает спорт.

РИМ. Здесь состоялась национальная ассамблея лиг молодых безработных, где обсуждались вопросы о мерах борьбы с безработицей среди молодежи. Организованное движение безработных возникло в Италии несколько лет назад, но пока еще не создан единый национальный центр, который объединял бы сотни организаций, существующих в разных областях страны. Задача ассамблеи была способствовать созданию такого центра и координации действий с демократическими профсоюзами страны.

ЛИССАБОН. Обстановка в Португалии становится все более напряженной. Силы реакции активизировались и ведут наступление на революционные преобразования, добиваясь их отмены. Например, принятый парламентом закон «об основах новой аграрной реформы» ставит своей целью возрождение помещичьих хозяйств там, где уже были созданы кооперативы. Рабочий класс и трудовое крестьянство во главе с коммунистической партией полны решимости отстоять от посягательств реакции важнейшие завоевания революции.

На снимке: крестьяне провинции Серафина, члены одного из сельскохозяйственных кооперативов, отстояли право работать на своих полях.

ДЖОРДЖТАУН. Организация прогрессивной молодежи Гайаны (ОПМГ) отметила свое 25-летие. Среди резолюций, принятых по этому поводу, есть специальный документ об историческом значении Великого Октября для всего человечества и, в частности, для национально-освободительного движения народа Гайаны. Подчеркивается также, что ОПМГ будет и впредь крепить дружбу и братство с советской молодежью. В резолюции солидарности с народом Чили подчеркивается, что прекращение репрессий и восстановление гражданских прав и демократических свобод в этой стране — требование всех прогрессивно мыслящих людей мира. ОПМГ призвала правительство, недавно установившее бесплатное образование, продолжить демократические реформы, создать современную систему народного просвещения на принципах марксизма-ленинизма.

ХЕЛЬСИНКИ. На XI съезде Социалистического союза учащихся (СОЛ) были приняты документы, отражающие главные задачи этой организации на предстоящий период. В частности, принято обращение к студентам Финляндии — «Октябрьская революция — поворот в истории человечества», в котором СОЛ призывает «учиться марксизму-ленинизму, идеям Великого Октября, бороться за демократию и социализм, за будущее Финляндии!». В обращении также подчеркивается, что на современном этапе самое важное — борьба широких масс против антисоветских и антидемократических явлений, за расширение дружественных отношений между Советским Союзом и Финляндией, против изменения внешнеполитической линии страны.

Делегаты съезда приняли также обращение к финской молодежи в связи с подготовкой к XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов, который состоится в 1978 году в Гаване.

БОСТОН. Планы американского империализма принять на вооружение нейтронную бомбу вызывают протест во всем мире и в самих США. В различных городах Соединенных Штатов Америки прогрессивная общественность организует митинги и демонстрации, призывая правительство прекратить гонку вооружений. Во время одной из таких демонстраций в Бостоне жители города услышали вдруг вой сирены, как во время воздушного налета, и все, кто был поблизости, увидели, как в рядах демонстрантов люди стали медленно падать на мостовую. Смерть от нейтронной бомбы изображали актеры, принимавшие участие в антивоенном выступлении. Остальные его участники развертывали транспаранты и раздавали листовки, требующие запретить создание нейтронного оружия.

На снимке: на демонстрации в Бостоне актеры изображают погибших от нейтронной бомбы.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ПАНАМА. В панамской провинции Верагуас состоялся конгресс латиноамериканских студентов под девизом «Антиимпериалистическое единство — тактика и стратегия победы». В нем приняли участие представители национальных организаций 12 стран континента. Председатель Латиноамериканской континентальной организации студентов (ОКЛАЕ) Хесус Рейес отметил, что этот конгресс способствовал сплочению учащейся молодежи в борьбе за социально-экономический прогресс, против засилья местных олигархий и империализма, а также дал толчок массовым политическим мероприятиям, посвященным XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов.

МЕХИКО. На проходившей здесь Неделе солидарности молодежи Мексики и ГДР представители молодежного движения обеих стран заявили о своей поддержке миролюбивой политики Советского Союза и других стран социалистического содружества, подчеркнув огромное значение для всего человечества активной политики мира, проводимой СССР. В совместном заявлении молодежных организаций Мексики и делегации ГДР выражено удовлетворение тем, что XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов будет проходить на земле социалистической Кубы, что свидетельствует о признании международным молодежным движением успехов в созидательном строительстве народа острова Свободы.

БОГОТА. Недавно созданный Союз колумбийских студентов (СКС) выразил поддержку XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов и призвал студентов создать в каждом университете подготовительные фестивальные комитеты. Определены также задачи СКС в борьбе за демократию, против империализма.

ЛОНДОН. Делегации коммунистов из всех концов Англии, Шотландии и Уэльса прибыли в Лондон, чтобы передать правительству петицию с требованием положить конец росту цен. Под петицией поставили свои подписи 200 тысяч человек, продемонстрировав поддержку политике Коммунистической партии Великобритании. Инициатива КПВ вызвала горячее одобрение трудящихся страны.

На снимке: коммунисты из всех уголков Великобритании привезли в Лондон кипы листов с подписями и лозунги: «Коммунисты требуют заморозить цены сейчас же!»

ВЛКСМ XVIII СЪЕЗД

ОСОБАЯ ДЛЯ НАШИХ ДУШ МИНУТА

БЕСЕДА КОРРЕСПОНДЕНТА «РОВЕСНИКА» Ю. СТЕПАНОВА С ОДНИМ ИЗ АВТОРОВ ФИЛЬМА «СОЛДАТЫ СВОБОДЫ», О. КУРГАНОВЫМ.

— Война началась для меня двадцать второго июня сорок первого вечером...

Пауза происходит у него сама собой, и я думаю о том, сколько раз после сорок пятого ему приходилось говорить эту фразу и как пауза эта со временем увеличивалась и увеличивалась.

Как ни странно, слова эти похожи совсем на другие, после которых все мы незаметно для себя молчим все дольше и дольше: «Я родился в...» — и в паузу ложится все то, что произошло или не произошло по нашей вине потом. Но за словами «я родился» — черта, небытие, а за сказанными им — так много. Там и та минута — особая для их душ, как однажды написалось у Твардовского.

В тот день, когда окончилась война
И все стволы палили в счет салюта,
В тот час на торжестве была одна
Особая для наших душ минута.

В конце пути, в далекой стороне,
Под гром пальбы прощались мы впервые
Со всеми, что погибли на войне,
Как с мертвыми прощаются живые.

Внушала нам стволов ревущих сталь,
Что нам уже не числиться в потерях,
И, кроясь дымкой, он уходит вдаль,
Заполненный товарищами берег...

Мой собеседник — один из авторов фильмов «Освобождение» и «Солдаты свободы». Его зовут Оскар Еремеевич, фамилия — Курганов. Он в тонком черном свитере, и сейчас я особенно вижу эту черность. Впрочем, мы в его рабочем кабинете, утро, и, может быть, ему просто удобно работать за столом в этой легкой, необременяющей одежде.

— Мы туда и уходим в своих воспоминаниях, — говорит он отрывисто, — на тот «берег». Минута эта продлилась для нас на всю жизнь. У кого на какую, но на всю. Недавно меня спросили: «А следующий фильм? Может, хватит? Или опять о войне?» Опять. Спросить так человека, бывшего на войне, все равно что спрашивать любого пишущего: «Что, опять о жизни и смерти? Не хватит ли?»

Я задумываюсь вслух, почему эти фильмы так часто «получаются», говоря языком людей кино... Если не ошибаюсь, где-то в шестидесятых годах очень молодой тогда человек, естественно, невоевавший, написал:

Нам удаются фильмы о войне.
За них вручают премии нам в Каннах,
А в Канске плачут...

Плачут не только в Канске. Среди моих пожилых знакомых, переживших войну или потерявших там самых дорогих людей, есть люди, которые не могут смотреть эти «удающиеся нам» фильмы. Один мой товарищ рассказывал о своем отце: «Он приезжал ко мне в Москву несколько раз в год, гостил. Каждый вечер, как приедет — сидели мы обычно за столом всей семьей, — отец все говорил мне: «Завтра поедем... Встанем пораньше и поедем. Обязательно поедем». Словно себя уговаривал. Он воевал здесь, под Москвой. Все это вот тут, рядом. И утром мы действительно вставали рано. И никуда не ехали. Вечернего разговора будто не было. Не мог он туда ехать... Умер, а мы так туда и не собрались. Не успели. За двадцать-то с лишним лет не успели...» Мне даже говорили, что Жуков Георгий Константинович так и не ходил смотреть «Освобождение». Был консультантом, но вышедший фильм не смотрел — не

хотел, не мог. Не отказать же ему в мужественности...

— И другая странность других людей, — задумывается мой собеседник. — Не могут не смотреть... Я знаю десятки людей, они прошли войну, и они ходят и ходят на одни и те же фильмы, даже не говоря об этом друг другу. Вряд ли их интересуют наши так называемые удачные кадры или сюжет. Они на тот «берег» идут, к себе прежним, к мертвым своим. Там, на том «берегу», к концу войны было двадцать миллионов. Лежало. Только наших двадцать. И наверное, ни одной семьи, у которой хоть кто-нибудь там не остался... Как же не удаваться нашим фильмам?

Я, разумеется, не о себе — о нас, о наших. «Освобождение» уже посмотрела треть человечества. Это подсчитано. И смотрят еще.

А началось так. Есть в нашей памяти свойство, оно не принадлежит разуму: события прошлого возникают вдруг с такой ясностью, на которую мы и не рассчитывали. Мы собрались тогда в Курске. Это было двадцатилетие Победы. Собрались те, кто был под Курском. Много говорили, и все это были, как у нас принято, речи. Потом вдруг один бывший солдат удивился: «Что ж это мы все читаем друг другу по бумажке? Туда надо ехать, лежали же мы там, умирали... Живы остались». Все словно прозрели. Поняли вдруг, что собрались-то ведь только для этого — чтобы там постоять. Короче, поехали мы.

Есть там такое местечко — Свобода называется. Приехали. И я не узнал всех. Словно другие люди стояли. Одни отвернулись, плачут, другие ушли куда-то в сторону — ищут что-то, просто ли сидят, в землю смотрят. Никто и не вспоминал ничего и не говорил. Это уж потом начали вспоминать. Рокоссовский стал рассказывать, как он вот здесь вышел из штаба в блиндаж свой — бумаги какие-то взять — и надо же! — всего одна-единственная бомба в тот день упала в Свободе — и точно на штаб. Не то что разрушило, совсем нету, словно и не было его, яма... И надо же, как раз именно в ту единственную минуту, когда он вышел! Он говорит, а каждый о своем думает: минута-то единственная у каждого своя была. Нам и не надо было, чтобы нас слушали, нам себя надо было услышать.

Я спросил тогда Рокоссовского: «А помните, как вы меня к Рукосуеву направили?» — «Нет, что-то, — говорит, — запамятовал... Мог послать». А я тогда действительно спросил у него, куда бы поехать, где погорячей. Я корреспондентом «Правды» был. «К Рукосуеву в бригаду, — ответил он. — Горячей не придумаешь... Триста танков на бригаду давит. — Потом добавил: — Попробуйте проехать. Наши не пробрались». А поехали генерал и два полковника. Днем. Погибли. Расстояние-то всего как отсюда до «Маяковки» (Курганов живет возле метро «Аэропорт», тут мы и разговариваем), километров восемь всего. Ползли мы тогда

на стр. 5 ▶

60 лет СОВЕТСКИМ ВООРУЖЕННЫМ СИЛАМ

Есть в армейском языке такие слова: взаимодействие частей.

Если расшифровать их, то это то, без чего победа тоже невозможна, потому что это знание «соседа», говоря все тем же военным языком, понимание его, готовность прийти на помощь и сделать это в ту единственную минуту, когда помощь необходима и без нее соседу будет плохо.

Армейский язык строг к новшествам, и если уж позволяет их, то, значит, новшества

эти прочны, реальны и значительны. Так вошли в армейский язык слова «солдаты дружественных армий». Эти слова означают не только совместные учения. Они означают, что у нас есть соседи — соседи армии, соседи страны, друзья по взаимодействию.

Солдаты, которых вы видите, это солдаты разных армий. Но их отношения так же откровенны и так же основаны на дружелюбии, как отношения между нашими социалистическими странами, между народами наших стран. Это солдаты дружественных армий.

У них есть традиции — традиции памяти о погибших за общее дело; у них есть работа, которую надо делать умело; у них есть минуты отдыха, которые сближают их воспоминаниями о прошлом и мечтами о будущем... И еще у них есть праздники. В этом месяце один из них — наверное, самый большой — шестидесятилетие со дня основания Советской Армии. Принадлежит он, конечно, не только тем, кто сейчас служит в ее рядах. Праздник этот наш общий, народный, потому что народна сама наша армия, потому что нам всем дорога и близка ее славная история и ее сегодняшняя жизнь.

▼со стр. 3

часа два с шофером, машину, конечно, бросили. Как ползли — не расскажешь.

Потом я провел там три дня. Уходить нельзя было — не то что опасно, там не поймешь, где опасней, а просто у Рукосуева осталась одна пятая бригады. А тут еще и корреспондент сбегает. Плохо, значит, из рук вон.

Однако работать надо, надо передавать информацию. Не имел я права не идти.

Погибли они все там.

Там, на дуге, два страшных места — Поныри и Прохоровка. В Понырях сошлись танки и люди, и танки не прошли. А в Прохоровке — танки с танками. Манштейн вырваться хотел. И тоже не прошли. Рукосуев — это как раз Поныри.

Когда мы двадцать лет спустя глядели на эти Поныри, мы их будто и не видели — все другое совсем, новый поселок стоит, люди живут... Город почти. А мы стоим и не видим ничего. Рожь как раз зрела, красиво вокруг, тихо, а для нас нет ничего этого. Рокоссовский говорит: «Вот если бы по этому рву провести всю Европу, не надо было бы никаких речей». А рва-то никакого нету, совсем нет... Может, с этих слов и родился замысел «Освобождения», с того, что ров тот существовал для нас, а его не было.

— Знаете что, — обрывает себя Курганов, — я ведь долго могу так рассказывать... Вы задайте сразу все вопросы ваши, а я буду отвечать. Удобней получится.

— А не перебью я вас, настроение ваше?

— Ничего.

И я предлагаю:

— Поговорим о добре во время зла. Не странно это?

— Нисколько. Только вот что выбрать... А впрочем, знаете, были вещи, поражавшие даже нас тогда. Совсем уж неожиданные. Помню, входили мы в первый немецкий городок. Самый первый для нас. Мы каждый думали тогда, дойдем ли мы когда-нибудь сюда и кто дойдет. И вот дошли-таки. Не знаю уж, кто написал, но на самой границе стоял столб и поперек — на огромном фанерном листе надпись: «Вот она — проклятая Германия!» Громадными буквами.

Городок, конечно, был пуст. Целый месяц под ним шли бои, и все жители или попрятались куда-то, или ушли совсем. В одном только доме мы нашли нескольких стариков. Борис Горбатов, помню, стал расспрашивать их, почему не ушли — ведь они все убеждены были, что мы придем и первое, что сделаем, это убьем их. Они действительно верили в это. Страшно было слушать. Эти, оказалось, хотели умереть дома — идти, говорили, было некуда, там, в глубине страны, их все равно ждала смерть — только от голода. Ночью оказалось, что у них еще спрятан больной ребенок. Мы разыскали врача, и надо было видеть лица этих стариков, когда они узнали, что врач — подполковник — военный, то есть один из тех, кто, по их убеждению, убивать их должен был, поднялся среди ночи, чтобы посмотреть их ребенка.

Но дело не в этом. Утром вдруг появились и другие спрятавшиеся. А главное, мы узнали, что невдалеке от города есть наши девушки. Было их человек двенадцать. Как сейчас помню, с Украины — угнали их года два назад сюда. Помните это бормановское: «Славяне должны на нас работать. Если они нам более не нужны, они могут умереть». А эти выжили. Мало что выжили... Когда мы пришли к ним с танкистами, молодые тоже ребята, первое, что они нам сказали, это, что у них есть требование. Не просьба, а именно требование. Тут же выяснилось, что всех их хозяев, у которых они работали, наши забрали, но там, среди них, было трое — и вот их девушки требовали отпустить и сделать это немедля. Эти трое помогли им выжить, и девушки, когда наша армия была совсем далеко, пообещали им свое заступничество. Твердо пообещали... В неволе, в плену, в самой проклятой, как на столбе было написано, Германии, они не то что в нашу силу верили, в своей силе были убеждены. Они уже распорядились, уже свою справедливость установили — человеческую. С ней там и жили.

Признаться, я никогда не записывал подобные истории. Честно говоря, я просто не вижу, как можно употребить их в кино. Но их сотни, если не тысячи. Даже не представляю себе человека, прошедшего войну и не вынесшего оттуда подобных историй. Само освобождение Европы от фашизма было неизмеримым добром. Конечно, оно и складывалось вот из таких маленьких человеческих историй. Неисчезающих. Сколько уже лет минуло, а истории эти хранятся и передаются.

Помню, на съемках в Варшаве — мы снимали эпизод с мостом в «Освобождении» — подходит человек: «Вы, пан, тоже кино?» — «Да». — «Я хотел рассказать пану историю... Может, понадобится». Пожилой. На улице холодно — он в такой же куртке, вроде вашей, подлинней. Теплая шапка. И руки — большие руки, сами кисти большие, с негнущимися пальцами — ни согнуться им, ни разогнуться до конца — тяжелые очень, крестьянские. Говорит, было это как раз во время варшавского восстания.

Жил он под Варшавой. Вечером как-то услышали они с женой — скребется кто-то... Переглянулись — да, скребется. Время было такое, что открытыми двери не оставляли. Немцы штурмовали восставшую Варшаву, и под городом на улицах чаще можно было встретить немца, а не поляка. «Потихоньку отворили, — рассказывает старик, — видим — парнишка. Без сознания. Танкист или летчик, потому что в коже весь. И еще в крови. Руки у него так впереди и лежали — как полз, так и остались. Сам без сознания, а пальцы все скребут и скребут — по воздуху уже, до двери не дотягиваются. Руки его я, наверное, прежде всего и увидел — крестьянские, точно скажу, не спутаешь их ни с какими. Испугались мы, стоим прислушиваемся — нет, вроде тихо все, не видно никого. Поглядели с женой друг на друга — надо прятать. Помыли мы его — и на чердак в сарай. Он так и не пришел в себя, стонал только. На чердак потом сами с женой не ходили, дочку посылали — так незаметней, думали: мало ли куда ребенок бегает, ребенок и есть ребенок. Ей двенадцать лет было. Жена, правда, ходила перевязывать его по ночам. Потихоньку он говорить начал, рассказывать. Оказывается, летело их трое — три самолета маленьких. Ночью. Один потерялся, а на пару их свалились сверху «мессершмитты», стая целая. Ведущий загорелся, сразу упал. Падал не к своим, и наш парнишка решил сесть — найти его, выручить, друзья они были. А ночь, зацепился за куст какой-то — и взрыв... Говорил, взрывом его и выбросило. Очнулся в кустах. Слышит, ходят немцы, переговариваются — ищут. Он и пополз. Сутки полз. В речке какой-то мылся, все кровь хотел отмыть. Так и приполз под нашу дверь. Говорил, что из Костромы. Я до этого никогда города такого не слыхал...»

В общем, держали они его месяца два с половиной, пока наши не пришли — в госпиталь его взяли.

Рассказов таких я слышал множество и, грешный, признаться, не очень верю им. То есть не самим рассказам, а только, может, не совсем все так было, как рассказывают теперь. А старик достает из кармана коробочку... «Вот, — говорит, — недавно в посольство вызывали. Все, как надо, проверили документы у меня. «Такой-то?» — «Да». — «Было такое дело?» — «А как же». И показывает орден Отечественной войны I степени. «Я, — говорит, — всегда с собой его ношу, в коробочке...»

Признаться, совестно стало за те сомнения свои. А старик еще и спрашивает: «Ну что, пригодится вам моя история, пан?» Как тут сказать? Кино-то тут совсем ни при чем. Но какая разница — пригодится эта история какому-нибудь кино или нет, она старику этому пригодилась на всю его жизнь, дочке той его маленькой, летчику тому, детям его... Да всем нам.

Шестьсот тысяч наших солдат осталось навсегда только в польской земле. Тот «берег» — он вся Европа нынешняя. Новая освобожденная Европа... Все «пригодилось», говоря словом того старика.

— Оскар Еремеевич, фильм «Солдаты свободы», как и говорится в нем, — это фильм не только о сражении двух армий, он о столкновении двух идеологий. Недаром в конце его есть весьма многозначительные слова: из солдат, пришедших освободить Европу от фашизма, половина были коммунистами и комсомольцами, половина... Давайте поговорим о преемственности — о комсомольцах нынешних лет.

— Начну издалека. На съемках есть такая неуловимая вещь, когда события фильма перестаешь ощущать как происходящие на съемочной площадке. Наступает вдруг момент, когда они становятся абсолютно реальными. В 1927 году я работал на Путиловском заводе. В это время Эйзенштейн снимал свой «Октябрь», и ему хотелось, чтобы в его взятии Зимнего участвовали рабочие-путиловцы, как это и было в семнадцатом. Это были уже другие рабочие, но он приехал на завод, с работы отпустили несколько цехов, и вот, как сейчас помню, на рассвете мы пошли на штурм. Был там и я. И странно, помню, я точно ощущал, что никакая это не съемка, а просто мы действительно берем Зимний.

Что-то аналогичное было и с молодыми солдатами — уже с комсомольцами нынешних лет, которые снимались в «Освобождении» и в «Солдатах свободы». Зритель может поверить только тому, что происходит перед его глазами, тут нельзя обмануть. Так что солдатам приходилось чуть ли не так же туго, как приходилось их отцам. Танки действительно шли полным ходом где-то в четырех-пяти метрах рядом с ними — камера крупным планом не может снимать с более дальнего расстояния, теряется достоверность. И потом я много раз спрашивал ребят, что они испытывали. «Страх страшный», — отвечают. А ведь не было никакой войны. Все это надо было делать им только добровольно. Помните, в «Освобождении» есть такой эпизод, когда танки прыгают через разрушенный мост, через ров... Юрий Бондарев воевал на Курской дуге артиллеристом. Ему было тогда девятнадцать. Всего. А наш оператор, Игорь Слабневич, в двадцать один год горел на этой Курской дуге в танке. А через три месяца снова сел в него. Ему-то и приходилось прыгать в танке так, как невозможно это представить сейчас. Какие бы ни были ученья, но это всего лишь ученья, и человека на них берегут. Но прыжок был нужен. Именно потому, что он существовал когда-то. Это был не трюк. Мы собрали солдат. Нечего говорить, командиры боялись за них страшно: «Людей побьем, танки побьем... Не война же! Придумайте что-нибудь — вы же киношники. Есть же у вас какие-то комбинированные съемки». Тут их не могло быть. И не дай бог, если б действительно случилось что-то. «Попробуем, — сказали ребята. — Давайте. Командуйте...» Первый прыжок не удался... Второй... Я говорил потом с этими ребятами. Это была радость — не сдрейфили, сделали то, что люди делали на войне. Так и говорили: «Мы побывали на войне». В кино-то и они всякое видели, но это в кино, а вот когда один из солдат сказал, что теперь-то он понял, что испытывал его отец на фронте, и понял, что значила эта война для человека, у которого только одна жизнь и другую ему никто не даст, вот это совсем другое.

Так что преемственность — это не какая-то абстрактная вещь, существующая только на словах. В широком смысле это готовность повторить то, что делали отцы.

Конечно, многое изменилось. Сама армия стала другой. Мы интернационалисты, и мы за мир. Но главное, для чего армия существует, защита мира это осталось.

Фолькер ЮНГЕ,
председатель Союза свободной немецкой молодежи Западного Берлина

НАШ ТОВАРИЩ КОМСОМОЛ

В уставе нашей организации говорится: «Нас объединяют с молодежью Советского Союза, молодыми строителями коммунизма, узы тесной дружбы». Новичок, вступающий в Союз свободной немецкой молодежи Западного Берлина, получает наказ беречь эту дружбу как зеницу ока. Сегодня, накануне XVIII съезда ВЛКСМ, как и шестьдесят с лишним лет назад, — мы соратники по борьбе за коммунистическое будущее.

Мы гордимся тем, что наиболее сознательные, лучшие представители революционной молодежи нашего города выступили на стороне русских братьев по классу еще в 1917 году — сразу после того, как в газетах появилось сообщение о восстании петроградских солдат и матросов 7 ноября. Идеи Красного Октября были подхвачены прогрессивной молодежью Берлина и оказали большое влияние на революционное развитие в Германии в ноябре 1918 года.

В первые же месяцы существования Советской власти в России немецкие трудящиеся смогли оценить самоотверженную солидарность и интернационализм советского народа, который, несмотря на собственные тяготы, вызванные тяжелой войной, уже в 1918 году направил голодающим рабочим Германии зерно.

Первый состав с зерном сопровождала Елизавета Драбкина [1]. Поезд был задержан на границе и отправлен назад, но она все же сумела добраться до Берлина и передать сердечный привет молодым немецким революционерам от I съезда Российского Коммунистического Союза Молодежи.

В книге «Черные сухари» она рассказывает о своих тогдашних впечатлениях: «Они слушали с неослабным вниманием, задавали тысячи вопросов, помогали мне найти недостающие слова, порой разражались хохотом из-за моих невероятных открытий в немецком языке. После собраний они меня окружали. Каждому хотелось еще и еще раз повторить слова дружбы и революционного братства, которые я должна была передать от их имени революционной молодежи Советской России».

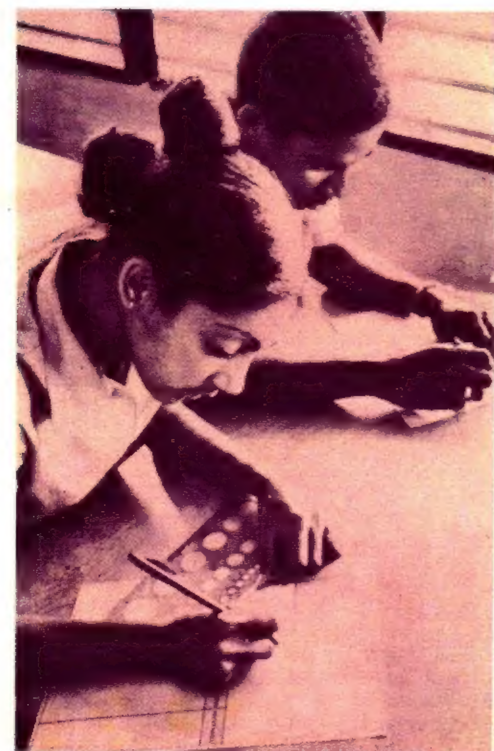
С момента своего создания Ленинский комсомол всегда был образцом для революционной молодежи нашего города, воплощая качества подлинно передовой организации юношества. Ведь комсомол мобилизовал молодежь на борьбу против эксплуататоров, на героическую защиту социалистического государства от внутренней контрреволюции и иностранных интервентов, на строительство вместе со всем народом нового общественного строя.

Мы никогда не забудем жертвы и героизм комсомольцев-красноармейцев, которые громили гитлеровский фашизм, а потом помогали немецкой молодежи налаживать мирную жизнь. После освобождения от фашизма, во время ликвидации военной разрухи и восстановления нашего города советские товарищи проявили себя как настоящие друзья прогрессивно настроенной молодежи.

С большим вниманием и терпением они помогали воспитывать нашу деморализованную, обманутую фашистской пропагандой молодежь в духе антифашизма и демократии, нацеливать ее на строительство мирного будущего. Большую поддержку оказали нам комсомол, его представители и советские товарищи из военной администрации Берлина при создании нашего Союза молодежи, возникшего вопреки воле и нападкам западных держав.

В последующие годы, во время частых встреч, дискуссий и бесед на различных международных конференциях, везде,

[1] *Одна из организаторов Российского Коммунистического Союза Молодежи. — Примеч. ред.*

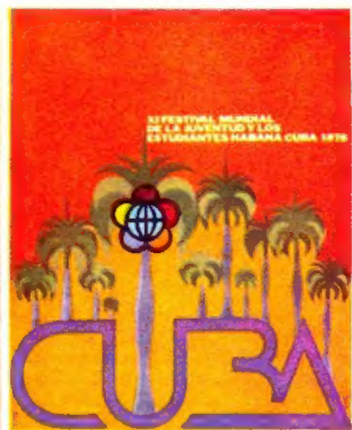

«ФЕСТИВАЛЬ!» В ПЕРЕВОДЕ НА КАЖДЫЙ ЯЗЫК

С 22 по 25 ноября 1977 года в Ленинграде проходила международная встреча «Октябрь и молодежь», посвященная 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Посланцы более чем из ста стран мира обсудили злободневные проблемы молодого поколения, участие молодежи в борьбе за мир и разрядку, за прекращение гонки вооружений, за демократию, национальную независимость и социальный прогресс. На этом крупном форуме шел, естественно, также разговор о ходе подготовки к XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов. Вот что рассказали участники встречи нашему корреспонденту.

Агапи ХАЛЬКИДКИ, Коммунистическая молодежь Греции:

Подготовка к фестивалю — это длительная, серьезная работа, которая, как мы считаем, очень полезна уже сама по себе, так как предполагает обмен мнениями и организацию совместных мероприятий различными отрядами молодежи. Мы, например, расцениваем как большой успех то, что нам удалось сформировать Национальный подготовительный комитет из представителей молодых коммунистов, социалистов, центристов, Национального союза студентов и Союза учащихся. НПК обратился ко всей греческой молодежи с воззванием, в основу которого положен известный призыв Международного подготовительного комитета, принятый на его втором заседании. Мы уже провели крупный национальный фестиваль, в котором участвовало 20 тысяч юношей и девушек.

Вернер ШТЮРМАН, член Федерального правления, председатель земельной организации Гамбурга Социалистической немецкой рабочей молодежи (ФРГ):

В нашей работе по подготовке к XI фестивалю можно выделить два направления: распространение информации о Кубе и укрепление антиимпериалистической солидарности. Хотя, по нашему мнению, сплочения молодежи ФРГ на фестивальной платформе такого, как хотелось бы, еще не достигнуто, все же успехи налицо. Создан под-

где встречались комсомольцы и члены нашего союза, мы обменивались опытом и обсуждали наши общие акции по укреплению антиимпериалистической солидарности. Опыт советских друзей очень помог нам преодолеть некоторые наши трудности и укрепить наш союз. При активной поддержке Ленинского комсомола мы в 1964 году вступили в качестве равноправного члена во Всемирную федерацию демократической молодежи, а наша пионерская организация была принята в Международный комитет детских и юношеских организаций при ВФДМ (СИМЕА).

Во многом то, что сегодня делает ССНМ Западного Берлина, базируется на использовании и творческом развитии исторического опыта комсомола. Хорошие отношения и дружеские связи с комсомолом — основа нашей политики. Совместная работа, решение стоящих перед нами задач, двусторонние связи и основные политические вопросы, которые выдвигает жизнь перед молодежным движением мира, — все это нашло отражение в договоре о дружбе между ЦК ВЛКСМ и правлением нашего союза. Мы рады, что по всем важнейшим политическим проблемам современности наши позиции полностью совпадают.

Мы не должны забывать, что враги коммунизма ведут яростную кампанию против Советского государства, стараясь затушевать неразрешимые проблемы самого капиталистического общества, дезориентировать молодежь и отвлечь ее от борьбы за собственные интересы и права.

В рядах нашего союза нет места для антисоветизма, в какие бы одежды он ни рядился. Мы остаемся и будем всегда друзьями Советского Союза, решительно отстаивая наши принципы, наше отношение к Советскому Союзу и его молодежи, к комсомолу. Нужно обладать мужеством для того, чтобы проявлять твердость и противодействовать лжи и «рекомендациям» классового врага. И наоборот, не надо особой смелости, чтобы в наших условиях нападать на Советский Союз, его политику, подвергать сомнению его достижения и заслуги. Мы можем с гордостью сказать, что члены нашего союза всегда находят в себе силы для борьбы против клеветы, против антисоветизма.

Мы стараемся как можно больше узнать о жизни советской молодежи. Очень большую пользу принесла организованная в прошлом году нашим союзом поездка молодых западноберлинцев в СССР. Мы побывали с поездом дружбы в Ленинграде и Москве, своими глазами увидели места, где делалась великая революция. Для участников поезда дружбы, хорошо знающих, что такое молодежная безработица и социальное неравенство, были особенно поучительны беседы с советскими сверстниками.

«О безработице среди молодежи и дипломированных специалистов мы знаем по учебникам истории», — говорили нам комсомольцы на одном из заводов Ленинграда. И нам понятна преданность советской молодежи своему государству при том внимании, которое в СССР уделяется молодежи. Она спокойна за свое будущее и активно участвует в решении экономических и политических проблем страны.

Капитализм на протяжении двух с половиной веков своего существования никогда не мог и по сегодняшний день не может обеспечить трудящейся молодежи элементарные права. В условиях капитализма молодое поколение в большинстве своем подвергается эксплуатации, страдает от безработицы и ограничений демократии. Только победа Великой Октябрьской социалистической революции, победа рабочих и крестьян России над капиталистами и помещиками впервые в истории человечества создала такое общество, в котором высокие устремления и идеалы молодежи нашли настоящее воплощение. На основе новых общественных отношений в СССР за короткое время были осуществлены права молодежи на обеспеченное будущее, на труд и профессиональную подготовку, на пользование достижениями культуры, на отдых и занятия спортом. В Советском Союзе молодое поколение выступает как активный строитель и представитель социалистического общества, участвующий в в управлении и руководстве общественными процессами.

То, что для вас — история, для нас — печальная действительность. Мы живем в условиях общества, где все больше дают о себе знать кризисные явления, бьющие прежде всего по молодым. В Западном Берлине потеряли работу или еще никогда не работали после окончания школы шесть процентов молодежи в возрасте до 21 года. Растут молодежная преступность, алкоголизм и наркомания. Западный Берлин ставит печальные рекорды по этим показателям среди стран Западной Европы.

Свою задачу ССНМ видит в том, чтобы вовлекать молодежь в сознательную классовую борьбу за свои права, избавлять ее от буржуазных предрассудков и антикоммунистических взглядов, убедительно доказывать, что будущее принадлежит социализму.

Мы стараемся укреплять позиции рабочего класса и молодежи в борьбе за ликвидацию власти монополий. Как ни препятствуют нам правящие круги, влияние нашего социалистического союза постоянно растет. Члены нашего союза защищают интересы молодежи на предприятиях, в учебных заведениях, школах, они активно работают во всех районах нашего города, в профсоюзах и общественных организациях.

Мы знаем, что не одиноки в своей борьбе за права работающей и учащейся молодежи. Мы твердо знаем, что всегда можем рассчитывать на поддержку надежного союзника — Ленинского комсомола.

(АПН — специально для «Ровесника»)

готовительный орган — инициативный комитет, состоящий из двух групп. В рабочей группе представлены социал-демократы, коммунисты, студенческие союзы этих направлений. В координационную группу вошли и другие организации — демохристиане, молодежные секции профсоюзов. Нашу задачу сейчас мы видим в том, чтобы привлечь к фестивальной подготовке как можно больше молодежи. Мы рассказываем о фестивальном движении, о целях предстоящего всемирного форума в Гаване. Намечено провести в ФРГ Неделю Кубы. В мае наш СНРМ и марксистский союз студентов «Спартак» устроят свой большой фестиваль, на который мы рассчитываем собрать до 100 тысяч гостей.

Федерико РАМПИНИ, редактор «Читта футура» — журнала Итальянской федерации коммунистической молодежи:

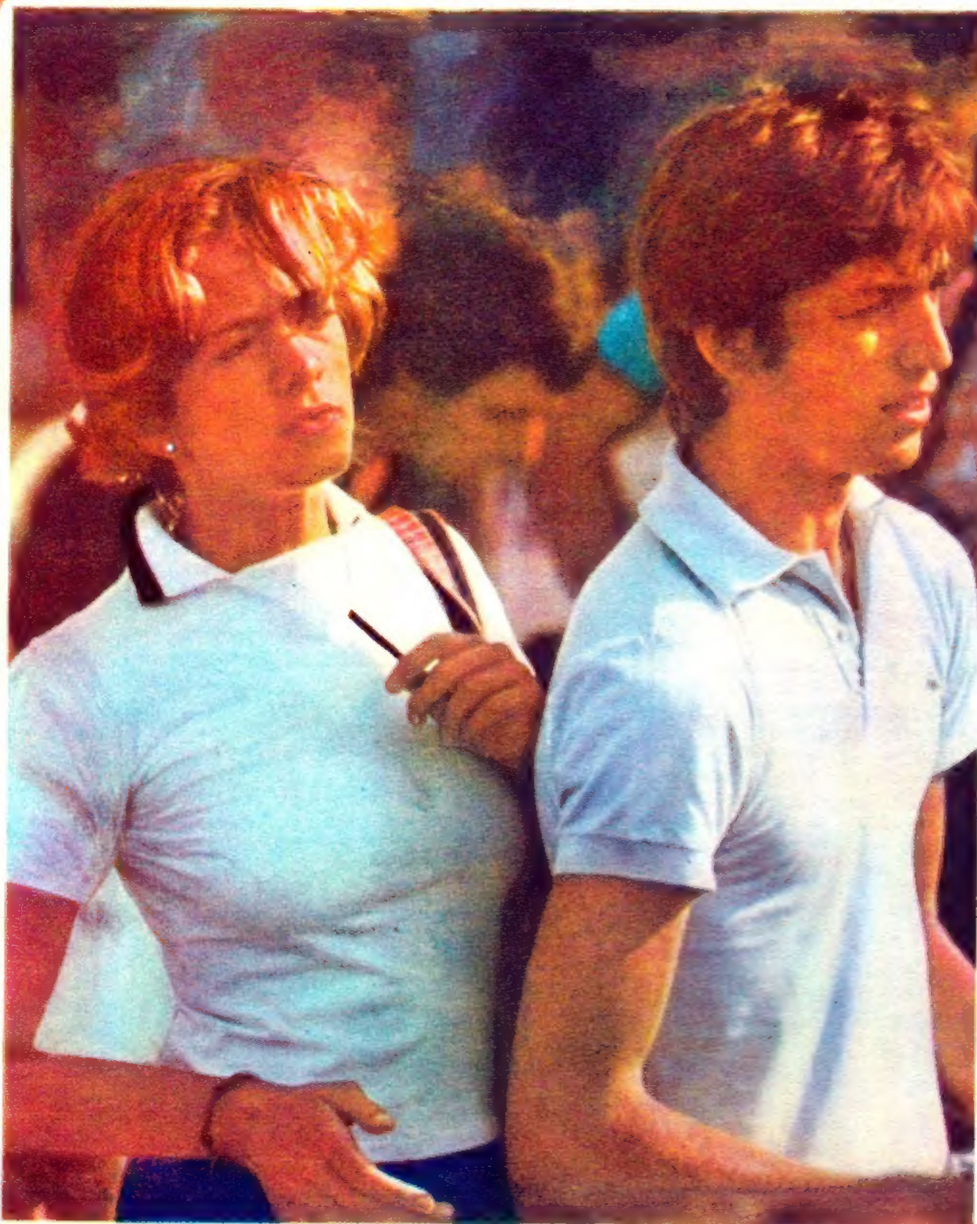
В нашем журнале заведена специальная колонка, рассказывающая о подготовке к XI фестивалю. Для пропаганды идей будущего форума мы широко использовали фестиваль газеты итальянских коммунистов «Унита». Кто знаком с итальянской жизнью, знает, что этот праздник выливается в общенациональный смотр всех прогрессивных сил. Он начинается с отдельных деревень и городов, чтобы затем завершиться национальным фестивалем; в него вовлекаются массы молодежи не только коммунистической, но и сочувствующей нам и все, кто выступает за демократию и мир. Так что мы можем сказать, что итальянская молодежь ждет XI Всемирный, активно готовится к нему.

На снимках: Куба. Школьники Гаваны. Члены молодежных производственных бригад. Фото Мирослава ЗАЙЦА (ЧССР).

Радован РИХТА,
член-корреспондент Чехословацкой академии наук,
директор Института философии ЧСАН —
специально для «Ровесника».

ЧЕЛОВЕК — ОБЩЕСТВО — ЗАКОН

путь к достижению свободы личности ● объективные законы истории и созидательное творчество масс ● классовые границы свободы ● рост производительных сил и творческая активность миллионов ● новая историческая общность людей ● гуманизм — не абстрактная мечта, а конкретная жизнь.

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ ФИЛОСОФ О НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ СССР — ОСНОВНОМ ЗАКОНЕ ОБЩЕСТВА РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

В историю человечества навсегда войдет день, когда вступила в силу новая Конституция СССР. Более того, значение этого события для жизни людей будет постоянно возрастать, ибо в Конституции СССР впервые отражен кодекс общественных отношений развитого социалистического общества — великолепный результат шестидесятилетних усилий советского народа, воплощение в жизнь ленинских заветов. Многовековая мечта человечества о благосостоянии, всестороннем развитии и свободе для каждого члена общества стала повседневной реальностью и целью деятельности при развитом социализме. В Основном Законе СССР закреплены завоеванные Октябрем и утвержденные самоотверженным трудом советского народа новые принципы взаимоотношений общества и личности, новое содержание деятельности человека в разных сферах общественного бытия, богатство его социальных отношений, образа жизни, новая структура ценностей, потребностей, мотивов труда, высокая духовная культура и подлинно гуманный социальный климат. Естественно, что Советская Конституция воспринимается всеми прогрессивными людьми мира как значительный шаг всего человечества на пути к достижению полной свободы личности.

История свидетельствует: угнетенные и эксплуатируемые поднимались на борьбу, движимые своими представлениями о справедливом обществе, о жизни, достойной человека. Но плоды их побед всегда доставались другим, враждебным им классам. Всевозрастающее богатство общества, изо дня в день создаваемое руками трудящихся, оставалось средством власти привилегированного меньшинства.

Победоносная революция российского пролетариата в Октябре 1917 года открыла новую эпоху общественного развития. Впервые многомиллионные массы людей труда получили возможность творить историю, создавать условия для достижения полной свободы личности. Рабочий класс в Октябре 1917 года взял власть и утвердил общественную собственность на средства производства — так возникли отношения всеобщего товарищеского сотрудничества трудящихся. Трудовые массы пришли к власти, и это открыло возможности для целенаправленного управления общественными процессами.

Трудящиеся превращаются в решающую силу прогресса общества, или, как говорят философы, субъект исторического развития. Но управление общественными процессами не может быть основано на произволе. И для того чтобы сознательно проводить социальные преобразования и тем самым раздвигать просторы для созидательного творчества, ранее эксплуатируемые и угнетенные массы должны познать объективные законы истории, то есть такие законы, которые не зависят от воли и сознания людей и присущи каждому данному периоду развития. Поэтому рабочий класс и трудящиеся только тогда с успехом выполняют свою роль субъекта исторического развития, когда во

главе них стоят марксистско-ленинские партии, которые вооружают эти общественные силы научным знанием.

Впервые в истории начинают сближаться и постепенно сливаются воедино объективная историческая роль основных общественных сил и их субъективно выдвинутые задачи. Сами трудящиеся целенаправленно управляют важными общественными процессами, и это управление происходит на основе научного знания закономерностей развития истории, планомерного преобразования объективных условий жизни людей в соответствии с этими закономерностями и постепенного создания условий для всестороннего развития способностей всех членов общества.

В процессе целенаправленного сознательного управления обществом, основанного на знании объективных законов его развития, и решается проблема свободы человека, утверждается подлинный гуманизм. Со времени Великого Октября этот принцип сознательного управления обществом стал неотъемлемой потребностью развития. Степень его реализации точно определяет и степень достигнутой свободы в формировании человеческой истории.

Если мы с этой философской точки зрения задумаемся над новой Конституцией СССР, то мы поймем, что дело не только в тех или иных небывалых ранее положениях Основного Закона Советского государства. Речь идет о новой ступени становления общества высшего типа, характер которого принципиально отличен от предшествующих обществ, общества, где сам уклад жизни получает иное содержание и иное значение, чем когда-либо раньше. Конституции эксплуататорских обществ отражают условия непрерывного воспроизводства непримиримых классовых противоречий, антагонистических общественных отношений, которые довлеют над трудящимися как чуждые, враждебные им силы. Новая Конституция СССР — это закон свободного формирования собственной жизни каждого члена общества и всего общества в целом.

Новые особенности во взаимодействии объективных и субъективных факторов общественного развития, порожденные Великим Октябрем, закрепленные в новой Советской Конституции, оказывают огромное влияние на развитие всего современного мира. Становится возможным сознательно воздействовать на общемировые социальные процессы, направлять их в интересах всего человечества. Создавшаяся возможность влиять на общественные процессы играет огромную роль в борьбе за мир, в осуществлении принципов мирного сосуществования, способствует усилиям развивающихся стран полностью освободиться от последствий колониального гнета, помогает всем народам, встающим на путь социализма.

Возрастающая роль субъективного фактора в строительстве социализма, конечно, не означает, что развитие общества теряет закономерный характер. Напротив, это возрастание — следствие объективных изменений в социально-классовой действительности и представляет собой закономерность нашей эпохи. Эта закономерность видна не только в том, что расширяются возможности для приложения активности трудящихся, но и в том, что рост творческой активности становится **необходимым** условием развития общества. Рост же активности каждого в конечном счете и означает расширение свободы каждого, ведь степень свободы личности всегда определяется той ступенью, на которой находится общество, способностью общества осваивать объективные законы природы и своего развития.

Свобода личности всегда была тесно связана с классовыми отношениями. В свое время буржуазные революции в основу всех свобод личности положили частную собственность на средства производства, принадлежность к господствующему классу, владеющему средствами производства. Для трудящихся фактически все права были сведены к «свободе» продавать свою рабочую силу кому-либо из эксплуататоров и своим трудом способствовать возрастанию капитала, и к «неограниченной возможности» время от времени избирать в политические органы какого-либо представителя, выдвинутого буржуазией. На повестке дня буржуазного общества никогда не стояла задача развивать активность масс в управлении обществом, в формировании условий собственной жизни, без чего невозможно и говорить о свободе. Поэтому даже попытки выдвинуть такую задачу буржуазное общество всегда рассматривало как бунт.

Лучшие умы прошлого пытались с большой осторожностью устанавливать внутренние границы свободы. Ограничь свою свободу, чтобы другие тоже могли быть свободными, — такой принцип всеобщего поведения предлагал, например, немецкий философ XVIII века Кант. Конституции, порожденные французской революцией, провозглашали свободу правом формально равных абстрактных индивидов «делать все, что не вредит другому». Однако реальность капиталистических общественных отношений вложила в эти общие абстрактные границы свободы точное классовое содержание: «ограничь свою свободу ради возрастания капитала», «ты можешь делать все, что не мешает эксплуататорам наживаться на твоем труде».

Еще в прошлом веке буржуазия нашла «философское» оправдание для классовых границ свободы в тезисе английского экономиста и философа Д. Милля. Этот идеолог либерализма утверждал, что для исторического развития якобы необходим «высший класс», избавленный от материальных забот и способный направлять процесс цивилизации, все же остальное общество, то есть большинство, занято производством жизненных благ для «высшего класса» и для себя. На практике это означало, что на протяжении целой исторической эпохи большинство оказалось лишенным основной человеческой свободы — права на собственное развитие.

Современная буржуазия уже не может открыто провозглашать подобный лозунг буржуазного либерализма, хотя капитализм и сегодня поддерживает и воспроизводит социальное неравенство; в условиях научно-технической революции, как и раньше, он двигает «прогресс» цивилизации в ущерб миллионам трудящихся, ограничивая их творческую активность и деформируя их творческие силы.

Глубокая историческая правомерность социализма заключается именно в том, что он основывает прогресс цивилизации на непрерывном развитии трудящихся, всего народа. И универсальное историческое значение принятой в октябре 1977 года Советской Конституции в том, что в ней получили всестороннее закрепление принципы социального равенства. А это открывает новые просторы для реализации преимуществ социализма.

Весь опыт многовековой жизни человечества показывает несостоятельность любых попыток искать возможности для развития личности в отрыве, изолированно от всего общества: свобода личности возможна только внутри общества. Только общество создает возможности каждому индивиду целенаправленно управлять формированием условий собственного развития. Стремление к свободе и развитию личности превратилось в современном мире в борьбу за революционное преобразование общества на принципах научного социализма и коммунизма. Потому что только марксистско-ленинское учение открывает путь, обеспечивающий общественное развитие каждого, развитие сил, способностей и активности всех трудящихся.

Таким образом, в новом свете встает вопрос об отношении свободы личности и ее общественной ответственности, вопрос об отношении между правами и обязанностями человека. Ответственность человека перед обществом становится необходимой частью его свободы, поскольку индивидуальная и коллективная самореализация неотделимы.

На этапе развитого социалистического общества, построенного в Советском Союзе, завершается, — как показано в преамбуле новой Советской Конституции, — перестройка всего комплекса общественных отношений на принципах коллективизма и открываются широкие просторы для действия законов социализма. Это позволяет поставить как одну из ключевых задач вопрос о всестороннем развитии личности социалистического человека. Принцип «все для человека» был всегда основной целью строительства социализма, выражал смысл и сущность социалистического общества. В условиях социализма некоторые сферы общественной жизни приобретают совершенно новое реальное значение, какого в прошлом они никогда в действительности не имели.

Новая Конституция СССР выражает целый ряд этих великих перемен — начиная с материально-технической базы и до сферы культуры, — которые в центр всех усилий ставят всеобщее развитие каждого человека и всех советских людей.

По мере роста материальных ресурсов, созревания социалистических общественных отношений и социалистического сознания людей всестороннее развитие активности, сил и способностей всех трудящихся становится непосредственной целью общества. Но одновременно всеобщее развитие служит и главным средством ускорения материального и духовного развития социалистического общества. Чем интенсивнее рост экономики, тем важнее для нее использование науки (значение которой закономерно повышается с повышением роли субъективных факторов) и тем более значительным двигателем общественного прогресса становятся такие факторы, как общественная активность, инициатива и творчество человека, его идейный, образовательный и культурный уровень. В этом кроется самый глубинный источник сил и преимуществ социализма перед любым эксплуататорским обществом.

В современном капиталистическом мире мы наблюдаем противоположную картину. При сравнительно быстром росте технических производительных сил остаются неиспользованными и даже в громадных количествах подавляются те производительные силы, которые основаны на творческих способностях миллионов трудящихся. Именно из этого факта вырос современный миф о технике как абсолютной власти, правящей судьбами людей; отсюда вырастает и ложный страх, даже ненависть к науке и технике, бесплодные попытки остановить их бег и ликвидировать прометеевские традиции преобразования мира на пользу человеку. Отсюда же рождаются пессимистические заключения, что человечество достигло «вершины» в своем развитии, уже не способно улучшать социальные условия и изменять природу.

Все эти мифы и страхи лишь свидетельствуют, что капиталистическая система не может решить вопросы современного и будущего развития человечества. Только общество, основанное на всеобщем взаимном сотрудничестве людей, в котором открыты пути к участию всех трудящихся в формировании общественных условий собственного развития, может с успехом управлять современными общественными производительными силами, без страха глядеть в будущее.

В этой связи в развитом социалистическом обществе закономерно ставится на повестку дня вопрос целенаправленного развития социалистического образа жизни, существенные качественные черты которого, такие, как коллективизм, подлинный демократизм, социальный оптимизм, интернационализм, патриотизм, равноправие и социальная справедливость, уважение к труду и трудящемуся человеку, органично свойственны самому строю. Дальнейшее совершенствование социалистического образа жизни, в свою очередь, с одной стороны, создает возможности для того, чтобы освободившиеся в результате научно-технического прогресса экономические ресурсы достигли намеченной социальной цели, были поставлены на службу всеобщему творчеству трудящихся. С другой стороны, это творчество само становится новым и весьма действенным источником дальнейшего интенсивного экономического развития, источником, который был неизвестен антагонистическим общественным системам прошлого.

Производственные отношения и общественно-политические формы социалистического общества — как определяет Конституция СССР — все в большей мере выражают этот круговорот целей и средств. Таким образом, круг взаимосвязанных экономических и социальных преобразований размыкается и превращается в спираль, характерную для развитого социалистического общества, происходит органическое сочетание преимуществ социализма с достижениями научно-технической революции.

Социалистическое общество Советского Союза прокладывает путь к достижению научно обоснованных социальных целей, отражающих интересы трудящихся. По мере планового развития производства, науки и техники на основе социалистических общественных форм существенно меняется не только структура производительных сил, но и последовательно развивается социальная структура. Изменяется содержание труда: умственный труд в настоящее время все более становится делом всех трудящихся, растет численность высококвалифицированных специалистов, повышается культурный уровень народа, развиваются его потребности. Все это в целом способствует исключительно важному процессу, который Советская Конституция определяет как формирование «новой исторической общности людей», в которой постепенно происходит «сближение всех классов и социальных слоев» социалистического общества. Новая историческая общность — советский народ устремлен в будущее к созданию самого свободного общества во всей истории человечества, где свобода для всех утрачивает прежние внутренние противоречия, то есть воплощается в жизнь предсказанный К. Марксом принцип «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

Товарищ Л. И. Брежнев определил новую Советскую Конституцию, подытоживающую результаты развития советского общества и указывающую дальнейшие пути к коммунизму, как закон жизни развитого социалистического общества. И, изучая положения этого Основного Закона, мы постигаем смысл развитого социализма.

Новая Советская Конституция убедительно показывает, что впервые в истории гуманизм превратился из абстрактной мечты в конкретную жизнь, в содержание и смысл общественной деятельности всех советских людей. Достаточно

сравнить Основной Закон СССР с какой угодно формой буржуазной демократии, чтобы увидеть принципиальную разницу в самом понимании понятия «свобода». Любая буржуазная демократия всегда основывается на двух взаимодополняющих ограничениях: трудящийся человек никогда не может решать вопросы, связанные со средствами производства, а это основное условие жизни людей. Там же, где буржуазия оставляет трудящимся определенные, хотя сильно ограниченные, возможности выбора, например, в некоторых областях политики, вообще нет и речи об основных условиях жизни человека. Так что вся «свободная игра» буржуазных свобод и прав наперед запрограммирована властью капитала. Формальное политическое равенство всего лишь прикрывает фактическое неравенство в социально-классовом и экономическом положении людей. Даже в том случае, если пролетариату в тяжелых классовых битвах удается завоевать некоторые социальные улучшения или добиться «соучастия» в принятии ограниченных по значению решений, буржуазная демократия не теряет своего истинного облика — рая для богатых и западни для эксплуатируемых.

Развитой социализм включает в себя все ценности, которые человечество накопило в длительной исторической борьбе за свободу и демократию, и делает эти ценности доступными для всех. Но сверх того и прежде всего он внедряет в жизнь и гарантирует совершенно новые свободы, новые права. Это относится, прежде всего к утверждению права на социальное равенство, права на труд, права на свободное участие каждого трудящегося в управлении обществом и его развитием.

Конституция СССР — Основной Закон общества, которое возглавляет борьбу за мир во всем мире, которое является опорой интернациональных братских связей между народами, общества, которое утверждает самые прогрессивные принципы социального развития.

Именно поэтому в историю человечества навсегда войдет день, когда вступила в силу новая Конституция СССР.

Джон ПИТТМАН,
член Политбюро ЦК Коммунистической партии США — специально для «Ровесника»

ДВОЙНАЯ АМЕРИКАНСКАЯ БУХГАЛТЕРИЯ

Это давняя история... Моя родина с момента своего рождения в 1776 году пользовалась репутацией (и сама настаивала на ней) страны с самым высоким уровнем политической свободы среди других капиталистических государств[1]. «Отцы-основатели», несомненно, верили в непреходящее мессианское назначение американского капитализма. В течение 200 лет существования американской республики было сделано все, чтобы эта идея глубоко укоренилась в сознании народа. И еще одно представление постоянно насаждалось в сознание моих соотечественников — вера в то, что они живут в бесклассовом или надклассовом обществе. Поколениям американских трудящихся внушали, что суть личной свободы заключается в конституционном праве каждого владеть таким же количеством нефтяных скважин и загородных поместий, как и Нельсон Рокфеллер, высказывать свое мнение так же свободно, как и он. Но согласимся, что как с исторической, так и с классовой точек зрения обладание правом без средств на его осуществление на практике равнозначно его отсутствию[2].

Безусловно, еще хуже, если прав вообще нет. При знакомстве с конституционными документами США сразу же бросается в глаза отсутствие важнейшего из всех человеческих прав — права на труд, хотя, как известно, без средств к существованию человек жить не может. Если человек лишен этого права, фактически права на жизнь, то другими правами ему почти уж и невозможно воспользоваться. Как заметил сенатор Хэмфри, «ни один мужчина и ни одна женщина не свободны, если им говорят, что они не нужны как работники, что они лишние».

Американские политики в наше время уже усвоили, что никакая их программа не будет рассматриваться сочувственно без обещаний покончить с безработицей. В последней предвыборной платформе демократической партии, например, говорилось: «Безработица вызывает у людей внутреннюю тревогу, страх из-за неоплаченных счетов, порождает ничем не занятое время, потерю чувства собственного достоинства, напряжённые отношения в семье, лишения для детей и молодежи, алкоголизм, наркоманию, преступность. Работа — один из главных критериев, определяющих место человека в обществе». Правильные слова, никто не будет спорить. Но отшумели выборы, и те же люди, что составляли эту программу, уже открестились от нее. Постоянное существование в капиталистическом обществе «резервной армии труда» притупило во многих чувство протеста против этого вопиющего социального неравенства.

Услужливые средства пропаганды к тому же подсказывают и объяснение: безработные — это просто бездельники, у них нет чувства бережливости. А у нас, в США, нет другого такого общепризнанного греха, как расточительность, и, наоборот, большего достоинства, чем бережливость.

С другой стороны, буржуазная политическая экономия для оправдания явного социального неравенства придумала миф о том, что как рабочий, так и владелец средств производства на рынке труда имеют равные права. Они заключают торговую сделку — обмен рабочей силы на средства к существованию. И, только став безработным, человек постепенно начинает понимать, что эта фиктивная свобода двух равных индивидов на практике оборачивается свободой для владельца средств производства навязывать рабочему любые условия труда.

Вопреки утверждениям идеологов капитализма и широко распространенным среди американцев иллюзиям массовая безработица и жестокая эксплуатация свойственны американскому обществу с самых первых часов его существования. Историк-марксист Герберт Аптекер отмечает, что во время американской революции «по меньшей мере 35 процентов всего населения страны жили де-факто и де-юре на уровне бедности или ниже этого уровня». По данным буржуазных экономистов, с 1834 года по 1961 год было 30 периодов экономической депрессии, когда безработица становилась массовой. Экономист-марксист Виктор Перло пишет: «С 1948 года официальный уровень безработицы никогда не опускался ниже 4 процентов, за исключением периодов корейской и вьетнамской войн. Более того, в 1970 году, когда война во Вьетнаме была еще в разгаре, уровень безработных вырос к концу года до 6 процентов — это был первый кризис перепроизводства, начавшийся в военное время». Перло также считает, что официальные данные о базработице «не учитывают многие миллионы занятых неполное рабочее время или на непостоянной работе и миллионы, которые по ошибке не входят в состав рабочей силы. Подсчеты профсоюзных экономистов показали, что действительный уровень безработицы в любой данный момент на самом деле в полтора или два раза выше официальных данных».

В период кризиса 1930—1932 годов число безработных достигало 12—17 миллионов, сейчас это может повториться, потому что, по официальным данным, число безработных ныне составляет 7 процентов, в действительности же это означает, что от 10 до 15 миллионов трудящихся лишние на бирже труда, то есть примерно одна шестая всей рабочей силы.

Найти работу, сохранить работу — с этой мыслью каждый день утром встает и вечером ложится почти половина ваших ровесников в США. Джеймс Стил, национальный секретарь Союза молодых рабочих за освобождение, недавно говорил: «Мы считаем борьбу за избавление от безработицы первоочередной задачей нашего молодежного движения». Вдумайтесь в эту фразу. Молодежная организация ставит на первое место не какие-то специфические права и блага, от которых зависит дальнейшее духовное и профессиональное развитие ее членов, а самое элементарное право человека — своим трудом кормить себя!

На примере права на труд и свободу от эксплуатации (вернее, их отсутствия) мы с вами увидели, какие социально-экономические права предоставляет самое «свободное» капиталистическое общество своим членам. Вывод напрашивается сам собой: социаль-

---

[1] *Например, президент Картер утверждал, выступая в ООН, что США принадлежит исконное историческое право отождествлять себя «с уважением основных прав человека». — Примеч. ред.*

[2] *Кстати, в конституции США есть лишь одно социально-экономическое право — право владеть и распоряжаться частной собственностью. — Примеч. ред.*

но-экономические права имеют как бы две стороны. Лицевая повернута к тем, кто владеет и распоряжается громадной частной собственностью, изнанка — ко всем остальным. Эта двойственность, двуликость будет не менее очевидна, если мы обратимся к положению с другими правами граждан, без которых они не могут участвовать в жизни государства и общества.

Какие же свободы были обещаны народу в первых 10 поправках к конституции, которые известны как «Билль о правах»? Например, свобода печати и свобода слова. Весь опыт нашей партии и других организаций (не обязательно оппозиционных, а просто стоящих левее республиканцев или демократов) свидетельствует, что попытки воспользоваться этими свободами превращаются в настоящий бег с барьерами. И барьеры эти власть имущие ставят где им угодно и той высоты, какой это им угодно. К тому же бумага, типографское помещение и оборудование, радио- и телеустановки, издательства и т. д. — все это чья-то частная собственность, причем круг ее владельцев, как вы, конечно, знаете, в связи с концентрацией производства все время сужается. Право «мирно собираться» и «вносить петиции правительству» хорошо было проиллюстрировано в 1968 году в Чикаго, когда полиция расправилась с мирной демонстрацией с жестокостью, поразившей даже американцев. Убийства негритянских лидеров движения за гражданские права, расстрел студентов в Кенте — наиболее яркие, но вовсе не исключительные примеры «реализации» этого положения «Билля о правах». Право на неприкосновенность личности абсолютно не принимается во внимание Федеральным бюро расследований (ФБР) и Центральным разведывательным управлением (ЦРУ), а также другими военными и гражданскими органами разведки, которые составляют досье на сотни тысяч граждан, берут у них отпечатки пальцев, вскрывают письма, ставят подслушивающие аппараты и т. д. И люди живут в постоянном страхе, а там, где страх, какая уж свобода.

Американская конституция предлагает только один вид гарантий прав и свобод граждан — судебные гарантии. Но тут мы опять сталкиваемся с двойной бухгалтерией американских законов. Во-первых, человеку, не имеющему адвоката и достаточно денег, трудно рассчитывать на выигрыш дела в суде. Во-вторых, негры, пуэрториканцы и другие представители национальных меньшинств точно так же, как бедные белые, встречаются с предубеждением судей и присяжных. Я уж не говорю о страшной коррупции, которая разъедает аппарат правосудия.

Теперь обратимся к широко распространенному мифу о «свободных выборах», что означает: народ-де свободно, по собственному усмотрению посылает в правительство своих представителей. Этот миф родился два века назад. Еще в Декларации независимости было записано, что правительство получает «свою справедливую власть с согласия управляемых». А вот что по этому поводу говорится в обзоре положения в области основных гражданских прав и свобод, опубликованном Коммунистической партией США в октябре 1977 года: «...свободные выборы, которыми столь гордо хвалится правительство США и которые оно выставляет как критерий демократии и человеческих прав в других странах, представляют собой, главным образом, лишь свободу выбора между кандидатами демократической и республиканской партий, контролируемых корпорациями». Так, «...в 29 штатах были приняты законы, предназначенные не допустить коммунистическую партию и ее кандидатов к участию в выборах. Эти законы или просто запрещали участие коммунистов в выборах, или для этого применялись присяги о лояльности». На каждых выборах представители малых партий должны преодолевать все более изощренные препятствия, чтобы выставить своего кандидата. И жестокость требований растет из года в год. Приведу только один пример. В 1932 году коммунистическая партия была внесена в избирательные списки в 38 из 48 штатов, а в 1976 году ей удалось добиться этого только в 19 штатах и округе Колумбия. Таково положение со «свободными выборами» в США.

Мне бы не хотелось, чтобы у вас создалось впечатление, что все американцы смирились с двойным смыслом законов своей страны. Борьба идет каждый день. Все уступки, которых добилось американское рабочее движение у капиталистов и их правительств, были вырваны силой в острых классовых битвах...

...Давно уже в моей стране ведется настойчивая пропаганда «преимуществ» существующей там капиталистической системы, гарантирующей якобы широкие политические и социальные права. Но все эти долгие годы жизнь, действительность ведут свою «пропаганду»: у американских законов двойная сущность. Они милостивы и благодушны к имущим деньги и власть. Они суровы и безжалостны к не имущим ни денег, ни власти.

Перевел с английского Н. КУДРЯШОВ

Книга, откуда взят публикуемый отрывок, появилась в разгар кампании по выборам нью-йоркского муниципалитета. Если авторы рассчитывали на сенсацию, их ожидания не оправдались — по той простой причине, что их разоблачения, казалось бы, шокирующие и бьющие наповал, не содержали ничего сенсационно-нового для самих ньюйоркцев, давно привыкших к беззаконию и грязи городской политической кухни обеих партий.

В самом деле, нью-йоркская политическая коррупция стара, как сам Нью-Йорк и управляющие им «клубы». Она процветала и сто лет назад при партийном боссе Твиде, и в конце прошлого — начале этого века при его преемниках Дж. Келли, Р. Кроукере и Ч. Мэрфи. Процветает она и сейчас, о чем красноречиво свидетельствуют Ньюфилд и Дю Брал. Даже методы ее остаются во многом прежними — откровенное воровство, вымогательство, подкуп, торговля голосами, должностями и контрактами. Что еще плачевнее — эти преступления, как правило, остаются без наказания благодаря круговой поруке членов партийных «клубов», которые судят и освобождают друг друга, только изредка выбрасывая кого-нибудь из слишком уж зарвавшихся коллег «на съедение» общественному мнению.

Поэтому пусть не вводят читателя в заблуждение встречающиеся в тексте упоминания о судебных расследованиях, приговорах и тюремных заключениях. Срок (да и то небольшой, к тому же чаще всего условный) получают лишь самые неуклюжие

Джэк НЬЮФИЛД, Поль Дю БРАЛ,
американские журналисты

„Я ЗА НЕГО, ПОТОМУ ЧТО ОН ПРОДАЖЕН“

Кто есть кто на обеде в «Уолдорф-Астория»? ● Как хорошо быть конгрессменом! ● «Мертвые души» Уильяма Твида ● За кулисами «свободных» выборов ● Фемида, берущая взятки ● Мини-диктаторы из Бронкса и Браунсвилла.

Мы приглашаем читателя мысленно побывать вместе с нами на ежегодном обеде деятелей демократической партии нью-йоркского округа Кингз, состоявшемся 16 мая 1974 года. Вы увидите выстроившиеся в два ряда на Парк-авеню у отеля «Уолдорф-Астория» длинные черные лимузины, на номерных знаках которых вместо цифр — инициалы их владельцев.

За столом № 23 — конгрессмен Фрэнк Браско; позже он угодит в тюрьму за намерение получить взятку от мафии. За столом № 16 — конгрессмен Бертрам Поуделл; он также попадет в тюрьму — за то, что принял взятку в 41 350 долларов от одной авиакомпании. За столом № 92 сидит Юджин Холландер; он признáет себя виновным в присвоении 1,1 миллиона долларов, отпущенных по программе лечебниц. За столом № 55 — лидер округа Куинз Мэттью Трой, который признáет себя виновным в уклонении от уплаты налогов.

За столом № 4 мы увидим Ирвинга Голдмэна, городского управляющего по делам культуры; впоследствии он будет обвинен в неуплате налогов, подделке почтовой корреспонденции, попытке обмануть на 200 тысяч долларов одну компанию, а также в попытке дать взятку чиновникам из городского транспортного управления.

Стол № 110: Фрэнк Ваккаро; станет судьей, затем будет отстранен от должности за взяточничество. Стол № 35: Рой Кон; трижды привлекался к суду — трижды выходил сухим из воды. Фрэнки Фоулэн, стол № 88, пожертвовал 13 125 долларов в предвыборную кампанию Абрахама Бима, через несколько месяцев стал окружным лидером демократической партии в городе Бэй-Ридже. Позднее уличен в продаже 2500 авиабилетов на несуществующие рейсы.

Джордж Кернер за столом № 38 и Фрэнк Гиллигэн за соседним столом — делопроизводители в Бруклинском верховном суде. Гиллигэн уже 25 лет занимает пост казначея организации демократической партии округа Кингз. 18 июня 1976 года Гиллигэн и Кернер сознались, что украли чек на оплату обеда, о котором идет речь, и трех предыдущих обедов в Бруклине. Это воровство стоило партийной казне 100 тысяч долларов.

Понять образ мышления политиканов демократического «клуба» нам помог один разговор сентябрьским вечером 1974 года, когда демократическая партия выдвигала своего кандидата на место в конгрессе. Мы спросили окружного лидера из Бруклина

Отрывок из книги «Злоупотребление властью: неизменное правительство и падение Нью-Йорка». Нью-Йорк, 1977.

мошенники, преступившие грань дозволенного негласными правилами игры. Эту грань хорошо объяснил много лет тому назад предшественник нынешних городских партийных боссов Джордж Планкит: «Политик-ворюга действует в одиночку, не считаясь со своей организацией и городом. Настоящий же политик печется одновременно о своих собственных интересах, интересах организации и города... Скажем, моя партия правит городом и собирается произвести разные общественные усовершенствования, например, разбить парк. Узнав об этом, я скупаю всю землю в округе. Городские власти оглашают свой план, и тут начинается погоня за моей землей, до которой раньше никому не было дела. Разве не абсолютно честно — взять хорошую цену и получить прибыль на свой вклад и дальновидность? Конечно, да. Вот это и есть честное мошенничество».

Очень удобная философия. Недаром те, кому она исправно приносит дивиденды чистоганом, так расхваливают свой «демократический», «свободный» правопорядок...

Если что и меняется в нью-йоркской коррупции — так это ее масштабы. Босс Твид в свое время сумел награбить около 30 миллионов долларов; сейчас же при 12-миллиардном городском бюджете кормится целая компания твидов. Соответственно подскочила и цена этих беззаконий для общества. Они творятся в городе, уже несколько лет балансирующем на грани финансового банкротства, где более миллиона людей существуют на государственное вспомоществование, где, даже по официальным данным, насчитывается 750 тысяч безработных, а уровень безработицы среди подростков 16—19 лет достиг 74 процентов. Между коррупцией нью-йоркских политиканов и деградацией города Нью-Йорка существует прямая связь. Не случайно вотчины самых алчных боссов С. Райта и Р. Велеза — Браунсвилл и Южный Бронкс — самые бедствующие районы города, напоминающие, по выражению «Нью-Йорк таймс», «Берлин после бомбардировки».

И последнее. На состоявшихся в ноябре муниципальных выборах потерпели поражение некоторые из «героев» этой книги: сам мэр Бим, Трой, Велез, потерявшие места в городском совете. Означает ли это упадок «клуба» демократов, спросили журналисты у одного из главных его деятелей — Эспозито. «Все время выигрывать невозможно, — ответил он. — Но сама партийная организация всегда выживает». Покинув тонущего Бима, «клубы» Эспозито и Каннингхэма поддержали победителя — нового мэра Э. Коча, который, в свою очередь, обещал не трогать большую часть их людей. А за Кочем стоят те же финансовые и предпринимательские силы, которые при помощи демократического «клуба» управляют городом. «Организация всегда выживает» — а значит, выживет и беззаконие, выживет и коррупция.

В. ПЕЧАТНОВ,
кандидат исторических наук

Говарда Голдена, почему он и его политический «клуб» изо всех сил стараются переизбрать Бертрама Поуделла, когда известно, что Поуделлу предъявлено обвинение во взяточничестве.

«Мы проталкиваем Берта именно потому, что точно знаем: он виновен и будет осужден», — доверительно шепнул Голден.

Мы признались, что не совсем улавливаем логику в его словах. «Ну, как же! Если мы обеспечим Поуделлу победу на первичных выборах, а потом он будет осужден, тогда мы должны будем выбрать ему замену. Таким образом мы остановим этого мальчишку Стива Соуларца. Мы хотим посадить на это место в конгрессе нашего парня — Леонарда Силвермена».

Силвермен, председатель страховой комиссии законодательного собрания штата, ведет себя по-настоящему бесшабашно. В июне 1976 года он внес законопроект о повышении ежегодной зарплаты членам законодательного собрания до 44 600 долларов, а лидерам обеих партий в собрании до 65 600 долларов (это за шесть месяцев работы в году!). Газета «Нью-Йорк дейли ньюс» писала по этому поводу: «Силвермен и ему подобные должны бы на коленях вымаливать у общественности прощения за то, как они «работают», вместо того чтобы бесстыдно пытаться и дальше обкрадывать налогоплательщиков».

Увы, абсурдная для непосвященных логика «я за него, потому что он продажен» остается излюбленной тактикой поведения демократического «клуба».

Коррупция нью-йоркских городских властей имеет длинную историю. Заглянем в «Норт американ ревью» за октябрь 1866 года. В одной из публикаций есть такие строки: «Решив написать о деятельности администрации Нью-Йорка, мы обнаружили, что из-под нашего пера выходит не что иное, как трактат о... воровстве. Изучая в течение нескольких недель дела городских властей, мы только тем и занимались, что узнавали, какими способами, под какими предлогами и вымышленными именами безграмотные и жадные люди крадут из худо огороженного богатого сада — городской казны».

К моменту своей смерти в 1878 году босс «Таммани» (так называется городская организация демократической партии Нью-Йорка. — *Примеч. пер.*) Уильям Марси Твид наворовал из этого «сада», по самым скромным подсчетам, 30 миллионов долларов. Серым монументом его изобретательной алчности высится на Чемберс-стрит здание суда. Его строительство обошлось налогоплательщикам не в 250 тысяч долларов, как было запланировано, а в 13 миллионов! Только счет за три стола и сорок стульев составил 179 927 долларов. Здание еще не было построено, а «король штукатуров» Эндрю Гарви уже предъявил городской казне счет за... «ремонтные работы». Судебным клерком Твид нанял отсидевшего срок в тюрьме Синг-Синг боксера Джима Кьюзика по прозвищу «пожиратель людей», а на должность переводчика взял некоего Паддинга Лонга, не умевшего ни читать, ни писать. В порыве творческого вдохновения он зачислил в штат трех уже умерших людей.

Ныне нью-йоркский «клуб» демократов действует более гибко. Он похож уже скорее не на шайку разбойников, как во времена Твида, а на корпорацию, созданную для обеспечения устойчивой прибыли ее держателям акций. Он контролирует самые доходные суды — по наследству и опеке. Через спикера ассамблеи штата Стенли Стейнгата партийная машина контролирует рабочие места в ассамблее, стоящие 6 миллионов долларов. Она сделала Абрахама Бима мэром Нью-Йорка. Она несет ответственность за насаждение нечистых на руку людей на судейские посты. Раболепствуя перед крупными лендлордами и банками, она способствовала разрушению жилого фонда. В городскую администрацию она насадила членов своего «клуба» на должности, приносящие большие деньги и не требующие практически никакой работы. На выборные должности эта система выдвигает марионеток, голосующих, как им прикажут сверху.

Доминик Корсо из Бруклина сгоряча выпалил однажды: «Думаете, надо иметь мужество, чтобы отстаивать правое дело? Ничего подобного. Куда труднее отстаивать то, что сам считаешь неправедным, день за днем, год за годом. Вот где требуется мужество!» За свое «мужество» Корсо вознагражден: его сделали судьей.

Памятный пример сговора между «клубом» и лендлордами имел место весной 1975 года, когда в городском совете обсуждался законопроект, по которому домовладельцам разрешалось увеличить цену на 2 доллара за комнату в месяц для 900 тысяч квартиросъемщиков, чтобы «покрыть расходы, связанные с повышением стоимости топлива». (Заметим, что Бим в 1973 году получил от домовладельцев более 600 тысяч долларов на свою избирательную кампанию.) Законопроект был одобрен.

Многие старейшины «клуба» тесно связаны с банковскими и другими интересами крупного капитала — источниками их личных доходов. Лидер большинства в городском совете Нью-Йорка — Том Кьют — крупный маклер по продаже недвижимости и вице-президент банка в Бруклине. Известный махинатор Мид Эспозито, партийный босс Стенли Стейнгат, лидер демократов в Бруклине Джеймс Мангано, финансист «клуба» Билл Ши — все они занимаются банковским и страховым бизнесом, заседают в правлениях различных корпораций.

Из всех разваливающихся, никуда не годных институтов Нью-Йорка ближе всех к полному банкротству находятся контролируемые демократическим «клубом» суды.

В октябре 1972 года комиссия по вопросам преступности законодательного собрания штата Нью-Йорк опубликовала анализ разбирательств 1762 дел об организованной преступности в судах штата в 1960—1969 годах. В исследовании констатируется, что с членов мафии судьи сняли 44,7 процента всех обвинений, в то время как процент подобного великодушия по отношению к другим обвиняемым составляет всего 11,5.

В 1974 году специальная комиссия по вопросам преступности штата установила, что 15 судей Манхэттенского верховного суда незаконно оправдали 67 обвиняемых по делам о наркотиках; причем «41 из этих освобожденных был вновь арестован (некоторые уже через несколько недель) за совершение еще более тяжких преступлений».

Чтобы убедиться, что с системой судов творится неладное, незачем читать доклады юридических экспертов. Просто походите и побудьте с неделю в хаосе судебного зала, где правосудие выглядит скорее как мясорубка, сошедшая с ума.

Вы увидите судей, которым хватает 45-секундного совещания, чтобы выпустить обвиняемого под залог. Увидите судей, откровенно предубежденных против черных и лиц латиноамериканского происхождения. Судей, которые принуждают к признанию в виновности, которые манипулируют списками свидетелей в своих интересах, которые пойдут на все, лишь бы избежать умственного напряжения при ведении дела. Судей, у которых заплетается язык после обеда с возлияниями мартини. Судей, которые ругают, оскорбляют и унижают обвиняемых.

Вы увидите судей, которые открывают судебное слушание в 11 часов утра, в 1 час дня объявляют перерыв на обед, в 14.30 возобновляют заседание, а через 45 минут закрывают его, чтобы успеть на два последних заезда на ипподроме «Белмонт». Однажды в пятницу летом 1975 года в 16.30 мы присутствовали в Манхэттенском верховном суде. Обвиняемый в изнасиловании, отпущенный ранее под залог, не явился в назначенный день в суд, и чиновникам срочно понадобился судья, чтобы подписать ордер на арест. Из 25 судей, которые обязаны были в это время находиться на работе, на месте оказался лишь один.

Вы увидите судей, которые вольно обращаются с законом, чтобы угодить клиентам адвокатов из демократического «клуба». Судей, разбирающих тяжбу между домовладельцами и квартиросъемщиками и идущих обедать вместе с адвокатом лендлорда.

Справедливости ради заметим, что вы также увидите, возможно, 30 превосходных судей — из 350. Эти 30 справедливы, честны, беспристрастны, много работают и независимы. Но общее правило остается: подавляющее большинство судей не годятся для своей работы.

Предельно циничен сам метод подбора судей в верховные суды штата. Боссы демократов и республиканцев заключают за закрытыми дверьми сделку, которая превращает выборы в фарс. Сначала обе партии выдвигают выборщиков, а те голосуют, как им было указано. У общественности нет ни малейшего шанса голосовать непосредственно за кандидата в судьи.

Из 150 судей верховного суда штата Нью-Йорк, «избранных» таким манером, 126 были заранее одобрены обеими партиями. 10 из них были тотчас признаны Ассоциацией адвокатов «не соответствующими должности», но тщетно — предотвратить приведение к присяге этих некомпетентных людей было уже невозможно.

Вот пример закулисной кухни обеих партий по насаждению своих людей в суды. 17 мая 1971 года, когда Мэтью Трой был боссом демократов в округе Куинз, а покойный Сидней Хейн — боссом республиканцев, оба лидера встретились в ресторанчике на бульваре Куинз и, по словам Троя, «поделили весь район на следующую пару лет». Была составлена и соответствующая «бумага», Трой носил ее несколько лет при себе. Однажды вечером он показал ее нам. В этом пакте Троя — Хейна, в частности, говорилось:

«Пять новых мест судей в верховном суде округа. Респ. получат три, демок. два (плюс демок. получат право на замену уходящего в отставку Тома Ливоти)... Трой получит двухпартийное «добро» на избрание в члены городского совета Нью-Йорка в 1973 году».

Все так и произошло, и избиратели не имели ко всем этим назначениям и перемещениям никакого отношения.

Южный Бронкс и Браунсвилл — самые запущенные и нищенские районы Нью-Йорка. Здесь властвуют два воистину поместных барона. В населенный преимущественно пуэрториканцами Южный Бронкс боссы белого политического истэблишмента — Каннингхэм (Бронкс) и Эспозито (Бруклин) — посадили Рамона Велеза, а в негритянский Браунсвилл негра Сэмьюэла Райта, дав

им примерно такой наказ: вы — наши парни. Вот вам трущобы, управляйтесь с ними, мы поможем вам оставаться у власти. Можете распоряжаться деньгами, направляемыми в эти районы по программам борьбы с бедностью, но обеспечьте нашим кандидатам все голоса ваших округов.

Велез и Райт, окружные лидеры демократической партии, поддерживают кандидатов белого «клуба» на посты судей. Заседая в городском совете, оба голосуют так, как им велено, хотя бы и в ущерб интересам их собственных округов. Так, в мае 1975 года оба проголосовали за повышение цен на жилье, что больнее всего ударило по жителям трущоб.

Рамон Велез, 43 лет, невысок ростом, толст, громогласен и буен. Его всюду сопровождает группа вооруженных головорезов. Увидев его в окружении такого эскорта на главной улице гетто — Джексон-авеню, невольно вспомнишь Батисту с Кубы или Трухильо из Доминиканской Республики: гангстер, вознесшийся в диктаторы. Сила Велеза не в том, что он окружной лидер и член городского совета. Обладание этими постами только узаконивает его власть. А сама власть опирается на 20 различных организаций, которые он держит в руках. В общей сложности Велез распоряжается ежегодно 60 миллионами долларов и 1500 должностями в разного рода агентствах по «борьбе с бедностью», субсидируемых правительством.

Пожалуй, не назвать ни одного вида мошенничества или рэкета, в котором не попробовал бы себя Велез, дорвавшись до денег налогоплательщиков. В 1970 году его организация «Проект развития пуэрто-риканского землячества» бесследно поглотила 240 тысяч долларов. «Комитету по проведению парадов в день Пуэрто-Рико» были отпущены сотни тысяч долларов для организации бесплатных завтраков для бедных детей в летнее время. Но дети трущоб так и не увидели этих завтраков. Сотрудники агентств, контролируемых Велезом, показали при опросе, что их под угрозой увольнения вынуждают покупать билеты на его политические обеды. Более половины всех «пожертвований» в его кампанию по выборам в конгресс США в 1976 году поступили от сотрудников подвластных ему агентств по «борьбе с бедностью». Казначей-общественник «комитета по проведению пуэрто-риканского парада» обвинил его в незаконном присвоении 100 тысяч долларов из фонда этой организации.

В организацию, объединяющую крупнейший район Южного Бронкса — Хантс-Пойнт (где находятся знаменитые рынки оптовой торговли), «Хантс-Пойнт коммьюнити корпорейшн» Велез посадил исполнительным директором своего сподвижника Роберта Муньоса, а вскоре, 5 декабря 1975 года, Муньос был обвинен в вымогательстве и терроризировании граждан. Он угрожал подрядчикам, что сожжет или взорвет строящиеся ими объекты, если не получит права распоряжаться сотнями вакантных должностей «с необязательным посещением рабочего места». Он шантажировал тех самых людей, которые пытались изыскать и создать новые рабочие места для сотен тысяч безработных Южного Бронкса.

27 февраля 1976 года Муньос получил на редкость мягкий приговор от федерального судьи Константа Мотли — 18 месяцев условно — и продолжает получать зарплату, то есть деньги налогоплательщиков, в качестве исполнительного директора одного из агентств по «борьбе с бедностью», контролируемого Велезом.

Факты о «деятельности» Велеза — точные, веские и неоспоримые — начали появляться летом 1976 года. Источником были не прокуратура Бронкса и не городской совет. Их добыл 35-летний тележурналист Стив Баумэн. В серии вечерних репортажей, которые сопровождались изобретательными и захватывающими документальными фильмами, Баумэн проделал работу, которую надлежало сделать властям.

Наиболее интересным был сюжет о бесплатных завтраках для бедных детей. Велез получил 312 тысяч долларов от департамента по вопросам образования штата Нью-Йорк, чтобы кормить голодающих детей. Баумэн отправился в учреждения, которые якобы готовили эти самые завтраки. Некоторые из адресов вообще не существовали в действительности. Одно из учреждений, которое получило на эти цели 13 тысяч долларов, оказалось магазином по продаже запчастей для автомобилей. В другом месте, где должны были ежедневно отпускать и завтраки и ужины, ничего не выдавалось в течение целого месяца.

Сэмьюэл Райт менее экстравагантен, чем Рамон Велез. Он старается избегать «паблисити», в городском совете выступает нечасто и невнятно, более эффективен, работая за кулисами, чем на улице. Но к власти он пришел схожим путем и к общественным деньгам так же неравнодушен, как Велез.

Возвышение Сэма Райта началось с его работы в школьном совете № 23 в Браунсвилле. Он был его председателем в течение трех лет и сейчас контролирует его через своих подчиненных. Ежегодный бюджет школьного совета № 23 составляет 25 миллионов долларов. Райт хозяйничает также в «Корпорации местного развития» Браунсвилла, ежегодный бюджет которой 2,5 миллиона долларов, местном совете района Оушнхилл, на окружной бирже труда, в школьном совете 17-го округа, пяти детских центрах (включая один, названный его именем), приюте для престарелых и, конечно же, распоряжается контрактами на летние завтраки для бедных детей (49 тысяч завтраков ежедневно на общую сумму 750 тысяч долларов).

Райт фактически даже не живет в своей вотчине Браунсвилле. Он предпочитает аристократический район Уолд-Уэстбери на Лонг-Айленде (пригород Нью-Йорка). Там у него новый дом с плавательным бассейном, построенный по льготному банковскому займу. Адрес в Браунсвилле он сохраняет на случай выборов.

Образ Райта как уравновешенного и солидного кандидата-миротворца был создан публицистом Говардом Рубенстейном, который в течение трех лет получал от школьного совета № 23 по 17 тысяч долларов ежегодно. Рубенстейн сказал нам, что он устроил для Райта несколько встреч с редакционной коллегией «Нью-Йорк таймс» (после чего газета заклеймила соперников Райта как радикалов, призывающих к насилию).

Но есть в окружении Райта некий Джимми Ли Смит. Мы разговаривали с тремя людьми, которых Смит избил прямо на заседаниях школьного совета, за то, что они посмели критиковать Райта. В числе пострадавших — женщина, которой уже за сорок, и инвалид, подавший на Смита в суд за избиение его медным кастетом.

В феврале 1973 года, когда Райт еще председательствовал в школьном совете № 23, он подписал контракт о приобретении учебников для чтения у компании «Бихэйвиорэл рисерч лабораториз» (БРЛ) на сумму в 410 тысяч долларов. А 1 апреля 1977 года Райту было предъявлено обвинение в получении взятки от БРЛ на сумму в 5500 долларов. Что касается детей Браунсвилла, то они по-прежнему читают хуже детей всех других округов города...

Погрязшие в коррупции политиканы, законченные циники, невежественные судьи, адвокаты с сомнительной репутацией, бизнесмены, уличенные в подлогах и мошенничестве, поместные бароны вроде Р. Велеза и С. Райта — таково лицо нью-йоркского «клуба» демократов.

Перевел с английского В. БАЙДАШИН

ОТ РЕДАКЦИИ. Когда мы готовили этот материал к публикации, нас не покидало ощущение его недосказанности. Любопытно было узнать, что поделывают сейчас нечистые на руку персонажи из книги Ньюфилда и Дю Брала. Одни должны вроде бы «отдыхать» от своей кипучей деятельности в кутузке. Другие, которым огласка подмочила репутацию, наверное, думали мы, сошли с политической сцены — хотя бы на время.

И вот мы листаем американские газеты за ноябрь прошлого года, когда в Нью-Йорке происходили муниципальные выборы. Ба-а, знакомые все лица! Стейнгат, Трой, Каннингхэм, Голден, Велез... Неважно, что Трой признал себя виновным в уклонении от уплаты налогов! Не имеет значения, что против Велеза ведется следствие, что публике уже известно про четыре судимости Каннингхэма и махинаторство Стейнгата и Голдена! Все они как ни в чем не бывало заняты были привычными предвыборными хлопотами — перезванивались, отдавали распоряжения, разговаривали с журналистами.

Не очень-то рассчитывая на успех, мы с помощью обычной телефонной книги Нью-Йорка попытались выяснить судьбу тех, кто угодил-таки за решетку после памятного обеда 16 мая 1974 года. Отыскалось пять фамилий. Вот результаты нашего маленького эксперимента. Один абонент сказал, что он не тот человек, которого мы ищем, хотя и совпадают имя и фамилия. В трех случаях мы просто не заставали (с двух попыток) нужных нам лиц на работе (не в тюрьме!). «Его нет в офисе, и неизвестно, будет ли», — говорили нам. «Повезло» — да и то в кавычках — только с Бертрамом Поуделлом. Состоялся такой разговор:

— В недавно вышедшей книге Ньюфилда и Дю Брала упомянут «конгрессмен Бертрам Поуделл». Скажите, господин Поуделл, речь шла о вас!

— Это возможно.

— Там сказано, что конгрессмен Поуделл был посажен за взяточничество...

— Я не читал этой книги.

— Вы могли видеть или слышать об отрывке из нее, опубликованном в нью-йоркской газете «Виллидж войс».

— Я не имею ничего общего с этой газетой.

— Но вы сидели в тюрьме!

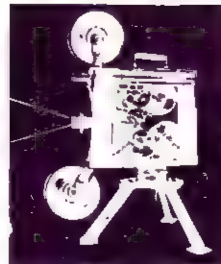
— Повторяю, я не имею с этой газетой ничего общего!

— Вопрос не о том...

— Ничего не хочу слышать ни об этой газете, ни о книге. Всё!

Очень рассердился мистер Поуделл...

ПУТЬ К СОСЕДЯМ

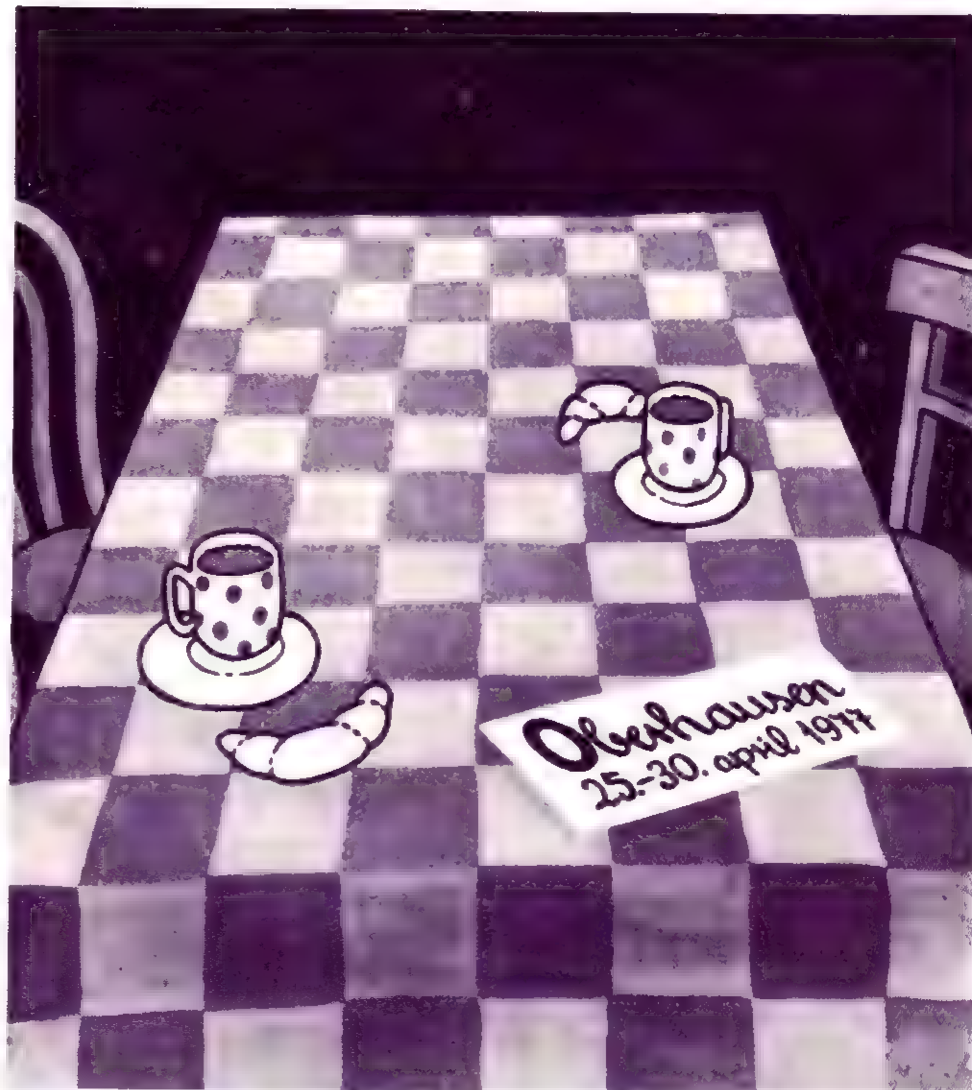
(ЗАМЕТКИ ИЗ ОБЕРХАУЗЕНА)

М. ТУРОВСКАЯ

На афише фестиваля в Оберхаузене изображены стол, покрытый клетчатой скатертью, две чашки друг против друга, два ползущих друг другу навстречу наподобие осторожных улиток рогалика, два пустых стула. Девиз фестиваля: «Путь к соседям».

Между тем путь к соседям не всегда бывает прямым, а тем более кратчайшим. Поэтому начну вовсе издалека — не с Оберхаузена, а с Ленинграда. Не так давно мне и кинокритику Ю. Ханютину пришлось говорить с режиссерами Ленинградской студии научно-популярных фильмов о документальном кино. Ханютин только что приехал с кинофестиваля из Кракова, я вернулась из Оберхаузена — это два представительных европейских фестиваля короткометражного фильма. «Вы оба рассказываете о прогрессивном кино,— задали нам вопрос, — скажите, а существует ли «другое» документальное кино? И если нет, то почему?» Действительно — почему современное документальное кино в основном прогрессивно? Речь, разумеется, не о тех видовых, танцевальных и прочих развлекательных поделках, которыми заполняют время на западных телеэкранах, — речь о тех фильмах, которые показывают на международных фестивалях короткометражного и документального кино.

Итак — Оберхаузен.

Немного истории и географии

С небольшой натяжкой гость Оберхаузена может считать себя одновременно гостем Дортмунда, Дуйсбурга, Эссена, Мюльхайма и др. — все эти города и городки, иногда переходя друг в друга без видимой границы, иногда постепенно перетекая, составляют сердце знаменитого Рурского бассейна. То, что на современном языке называется «мегалополис».

Слово «мегалополис» вызывает ассоциации с небоскребами и автострадами — и действительно, автомобильная развязка у Дуйсбурга стала одним из символов ФРГ. Оберхаузен же выглядит чистеньким, малоэтажным, но не старинным.

Может показаться странным, что городом международного кинофестиваля был избран именно Оберхаузен — не курорт и не музей, каких много по живописным берегам Рейна, не торговый центр и не университетский заповедник, а пролетарский по социальному составу, ничем особенно не замечательный городок. Но, с одной стороны, рурские города, еще недавно грязные и голые, охотно украшают себя то парком, то ярмаркой, выставкой цветов или театром. С другой стороны, Оберхаузен никто и не выбирал: фестиваль здесь просто «самозародился».

Есть в каждом языке слова и термины, к которым нелегко подыскать русские аналоги, ибо речь идет не столько о переводе с языка на язык, сколько о переводе на быт и нравы или понятия. Например, Volkshochschule — «народная высшая школа». Она, однако же, мало имеет общего с нашим народным университетом культуры. Такие вузы для взрослых — платные, разумеется, — существующие во многих городах ФРГ, составляют нечто вроде второй сети специального образования и включают в себя разное — начиная от ведения домашнего хозяйства и обучения иностранным языкам и кончая техническими специальностями. Там можно даже приобрести еще одну профессию, что немаловажно в условиях хронической безработицы, так что желающих всегда избыток. Поэтому список организаций и институтов, которые их субсидируют, так же пестр, как их программа: есть государственные «Фольксхохшуле» и коммунальные, церковные и профсоюзные. Есть даже семинар при Гёттингенском университете, где учился когда-то пушкинский Ленский.

Так случилось, что в 1953 году тогдашний директор оберхаузенской «Фольксхохшуле» Гильмар Гофман пригласил на конференцию руководителей других таких же вузов, чтобы, просмотрев ряд научно-популярных фильмов, обсудить перспективы использования кинематографа в системе обучения взрослых. Уже на первой конференции присутствовали ближайшие «соседи» — коллеги из Бельгии и Голландии. Конференция прошла с подъемом, и ее участники решили через год собраться снова.

Но настоящим международным фестивалем она стала еще через пару лет, когда впервые в Оберхаузен были приглашены кинематографисты из социалистических стран. Фильмы их стали сенсацией, собрали огромную аудиторию, вызвали бурные дискуссии.

Не забудем, что это было в середине 50-х, в разгар «холодной войны», в

канцлерство Аденауэра, и прозвище «красный фестиваль», заработанное Оберхаузеном, было по тем временам столь же почетно, сколь и опасно. За чистеньким, ухоженным, но ничем особо не примечательным городом, составляющим как бы пролетарский район огромного рурского мегалополиса, утвердилась слава кинематографической Мекки ФРГ.

Это было время, когда короткометражный фильм — документальный и рисованный, фактический и поэтический, сюжетный и публицистический — переживал свою эпоху «бури и натиска». Возникали новые темы, формы, новая аудитория.

Бум современного документализма, охвативший все виды искусства, начался на антифашистской волне. Открывались архивы «третьего рейха», публиковались секретные документы и частные дневники, кинематографисты заново «открыли» впечатляющую силу простых хроникальных кадров: делались монтажные антифашистские ленты.

Студенческие движения начала 60-х годов приняли антифашизм и документализм как эстафету.

...Первые схватки студентов с полицией, первые демонстрации у концерна Шпрингера, издателя бульварной прессы... Тогда-то, как одна из зарниц бурных событий 60-х, снова прозвучало имя Оберхаузена.

Кинематограф в ФРГ в то время еще относительно хорошо посещался публикой (чего нельзя сказать о нем теперь), и это был насквозь коммерческий, конформистский, буржуазный и попросту плохой кинематограф с засильем слащавых «хайматфильмов» (приблизительно — «патриотических») — наследия темы «крови и земли» нацистских времен — и самого глупого, пошлого юмора. Вот тогда-то молодые кинематографисты, собравшиеся в Оберхаузене, отказались считать для себя главным коммерческий успех; на своем манифесте написали девиз: «Папочкино кино умерло». Тогда-то они и получили прозвище «оберхаузенцев». Как в других странах, так и в ФРГ короткометражный фильм стал школой и лабораторией игрового кино.

«Мы провозглашаем наше намерение создать новый немецкий игровой фильм, — объявили они на VIII фестивале. — Старое кино умерло. Мы верим в новое». Речь шла не только о кино. Оберхаузенский манифест остался одним из документов социальной активности молодежи 60-х. Имя Оберхаузена стало тогда синонимом и символом молодости.

На этом фестивале нет выставки дорогих туалетов, парада звезд, фланирующей публики, коктейлей, кинематографических улыбок под блицами. Нет усталых продюсеров, заводящих романы с молодыми старлетками, запаха больших денег — всего, что увековечено западными романистами под знаками «кино» и «фестиваль». Бурная эпоха молодежного эпатажа, детей-цветов с живыми ромашками за ухом, живописная эпоха хиппи тоже отжила. Сегодня фестиваль выглядит деловито, стремительно, буднично. Потертые джинсы, кроссовки и кеды, бороды, очки: длинноволосая или короткая стрижка для обоих полов, дискуссии и деловые переговоры попо-лам с кока-колой, сосисками и холодной закуской, которые можно получить тут же, при входе в аудиторию; интервью — журналистские и телевизионные — на бегу, между сеансами, полусидя за крошечными столиками в вестибюле; плакаты и объявления — от руки, на машинке и на ксероксе, которыми заклеено все свободное пространство стен, извещающие, что тогда-то и там-то можно посмотреть то-то и то-то сверх конкурсной и внеконкурсной программ фестиваля и о чем-то дополнительно поспорить; зал, в который можно входить и выходить во время сеанса, — вот в самом первом приближении атмосфера Оберхаузена в наши дни. Приходят новые поколения — фестиваль остается молодежным. Тут где-то в буднях фестиваля среди просмотров, дискуссий, ожидания премий, деловых переговоров начинает проступать постепенно другая сторона современного документального кино.

Немного коммерции

В кулуарах фестиваля я не раз слышала, что денежные призы следует вручать западным режиссерам, в то время как почетные награды должны принадлежать картинам стран социализма. Такое разделение казалось мне, честно говоря, странным. Между тем на последнем фестивале главной сенсацией, безусловно, была программа дипломных фильмов ВГИКа, отобранная для показа западногерманскими кинематографистами Евой Хофман и Гансом Шлегелем. Правда, эта программа шла вне конкурса и была отмечена единственно возможным призом: специальным призом критики (ФИПРЕССИ). Зато она собрала львиную долю всей прессы фестиваля. И хотя внеконкурсные показы проходили в самое неудобное время — рано утром и вечером после одиннадцати часов, — в зале всегда толпилась молодежь. Действительно, нечасто можно увидеть такой блистательный парад целой киношколы. Это были студенческие — курсовые или выпускные — короткометражные, снятые в стенах ВГИКа, или «настоящие», снятые уже на студии, дипломные работы Тарковского и Михалкова-Кончаловского, Климова и Шепитько, Пелишьяна и Болота Шамшиева, Митты и Эльдара Шенгелая — известные и вовсе неизвестные публике старые и новые ленты.

Только находясь за границей и ощущая это настороженное и пристрастное внимание чужого зала, понимаешь вдруг масштаб нашей киношколы, к которой принадлежит уже много славных имен. Среди этих молодых людей — другого поколения и других стран — заново переживаешь историю нашего кино. И жалеешь о том, что у себя дома, в Москве и других городах Союза, наша молодежь не может увидеть большинство этих лент, оставшихся в архиве института, не может представить себе эту в высшей степени интересную и значительную ретроспективу как целое... А между тем ее стоило бы показывать в Москве, в кинотеатре «Иллюзион» так же, как в Париже или Нью-Йорке.

И, однако, суждение о денежных наградах имеет под собой вполне реальную подоплеку.

— Ваших документалистов содержит государство, — сказала мне энергичная девушка, деятельная участница женского движения, которому, кстати сказать, отвели на фестивале специальный день — фамилию ее я, к сожалению, не записала. — У ваших документалистов есть студии, им оплачивают поездку на место съемок, они получают зарплату за свою работу. У нас все наоборот. Нашим документалистам никто ничего не платит. Они делают картины на свой страх и риск. Хорошо, если молодому кинорежиссеру удалось заработать журналистикой или продать предыдущую картину, или какая-нибудь прогрессивная организация даст ему камеру и снимет монтажную, или же он возьмет ссуду в банке. Так или иначе, но он вкладывает деньги в картину, а получит ли он их назад — вопрос удачи. Вот почему премия фестиваля часто единственная возможность снять следующий фильм. Да и продать картину легче, если она была отмечена на фестивале. Ведь, вы знаете, у нас нет коммерческого проката для документального кино. Правда, в последнее время возможности некоммерческого показа стали шире...

— А что значит «некоммерческий» показ?

— Да хотя бы те же «фольксхохшуле». Они очень охотно прибегают к услугам кино. Молодежные организации также делают фильмы и демонстрируют их.

— А телевидение?

— Ну и телевидение, конечно. Но о телевидении уже нельзя сказать «некоммерческий»...

Что до телевидения, то тут есть некоторая тонкость, к которой я еще вернусь. Но этот разговор о премиях еще раз вернул меня к формуле современного документального кино. Ведь для того чтобы снять картину на свой страх и риск на другом конце света, нужно иметь не только кинокамеру, но и желание вмешаться таким способом в жизнь. Не потому ли современное документальное кино в массе своей прогрессивно?

Немного кинематографии

Три первых приза трех разных жюри фестиваля — главного, евангелического и критики — были отданы одной и той же картине о проблемах индейцев кечуа, снятой шведским документалистом Яном Линдквистом, — «Агриппино».

Ян Линдквист не впервые лауреат Оберхаузена, и «Агриппино» хорошая картина. Она прослеживает путь героя фильма — Агриппино — из столицы Перу, куда послали его с жалобой на помещиков односельчане, высоко в горы, в родную деревню. Это тот же путь, по которому прошли в свое время испанские завоеватели, сея вокруг насилие, угнетение, неравенство. И пока Агриппино пересаживается с одного вида транспорта на другой, едет в тряском автобусе, диктор сдержанно и строго повествует о прошлом. Но речь в фильме не о прошлом. И именно оттого, что речь в нем идет о насущных проблемах сегодняшнего дня, так поражает почти не изменившийся за столетия уклад жизни индейцев кечуа, суровая красота лиц, сохранивших неизменными черты древних каменных изваяний. Фильм прост и сдержан по форме, в лучшем смысле документален: он снят методом прямого интервью. И экспрессия человеческого гнева, который одушевляет бесхитростные рассказы муж-

чин и в особенности женщин далекого горного селения о притеснениях помещиков, вызывает живой отклик в зале [1].

Эта картина впитала в себя поиски документального кино последних десятилетий. Искусство раскрытия характеров почти без вмешательства диктора — при естественном и скромном участии автора фильма составляет его главную притягательность. Прямая постановка социальных проблем — его ценность. Три приза наглядно демонстрируют, каким представляется сегодняшний прогрессивный документальный фильм. Они свидетельствуют также и о том, что эта лента наиболее точно отвечает девизу фестиваля. (Кстати, «Агриппино» был отмечен и на последнем Московском международном кинофестивале.)

Но пути к соседям, к пониманию условий и особенностей жизни друг друга разные. Вот другой фильм, снятый там же, в Латинской Америке, другим режиссером и отмеченный всего лишь в рекомендательном списке одного из жюри, да и то при неодобрении значительной части зала. А между тем и фильм, и его автор заслуживают внимания.

Немного биографии

С автором этого фильма Вернером Херцогом мы познакомились незадолго перед тем в Москве. Он приезжал с делегацией кинематографистов ФРГ и привозил несколько фильмов, в том числе нашумевшую картину «Каждый за себя, бог против всех» — ее с успехом демонстрировали в московском «Иллюзионе». Говорят, нет пророка в своем отечестве, и, как это часто бывает с европейскими режиссерами, признание пришло к Херцогу из Парижа. После этого на его работу обратили внимание на родине. Сейчас Вернер Херцог один из самых заметных молодых кинематографистов ФРГ.

Херцога нельзя назвать документалистом, как Линдквиста, нельзя назвать и режиссером игрового кино: он снимает и то и другое.

Между тем Вернер Херцог нигде толком и систематически не учился этому искусству — по-русски это называется самородок, по-немецки — автодидакт: человек, научивший сам себя. Вся его «киностудия» — микроавтобус и две камеры, одну из которых выдали ему когда-то в пору краткого ученичества и которую, как сам он выражается, он «украл». Как почти все документалисты на Западе, он сценарист, оператор, режиссер, директор картины, автор фильма в одном лице. Его кинематограф отчетливо и самобытно авторский, хотя у него появился второй оператор. С ним вдвоем он и выехал на съемки в Южную Америку.

— Перед самым отъездом я решил на всякий случай позвонить на телевидение — вдруг их заинтересует мой сюжет, — рассказал мне Херцог. — Дело в том, что ехать я решил очень скоропалительно: прочитал в газете заметку, что ожидается извержение вулкана Лё-Суфриер в Южной Америке. Но увлекло меня вот что: в заметке говорилось, что население из района извержения было полностью эвакуировано — только один индеец отказался уехать. Он остался ждать своей судьбы. Я понял, что должен его увидеть. Этот человек так поразил мое воображение, что я тут же пошел за билетом. Но перед отъездом, как я уже говорил, я позвонил на телевидение, и они сказали, что охотно финансируют этот сюжет...

Вот это-то обещание телевидения финансировать картину оказалось одним из камней преткновения для фестиваля.

Казалось бы, телевидение — естественный прокатчик для документальных лент, тем более что в кино ходят мало, а телевизор смотрят... Но тут взаимопонимание требует диалога. Дело в том, что телевидение — «коммерческая» форма проката — для актуальных социально-критических лент недоступно. Оно эти ленты не покупает, а документалисты платят ему враждебностью. Вот почему для большинства участников фестиваля телевидение — это жупел.

Иное дело Вернер Херцог, крупный художник с мировым именем. Такое имя может открыть кассу, не говоря уж о сенсационности сюжета. А сенсация в наш век имеет сбыт.

Сюжет ленты Херцога действительно сенсационен, но фильм снят вовсе не сенсационно. Он снят с документальной добросовестностью, с особой зрительной выпуклостью, вообще присущей камере Херцога.

Поражает воображение неправдоподобно пустой, брошенный город под жарким солнцем, где лишь бродячие собаки лениво слоняются мимо запертых магазинов и спущенных жалюзи, — все это выглядит как во сне или в научно-фантастическом фильме; полицейское оцепление, через которое кинематографисты пробираются наверх, к жерлу вулкана; грозное зрелище проснувшегося, бурлящего кратера; невозмутимое, полное достоинства лицо человека, решившегося принять любую уготованную ему судьбу.

— Я нашел этого человека — вы видели его в фильме. Он спал, завернувшись в пончо, и ничего не боялся. Я ехал так далеко, чтобы понять, почему он — один! — не боится смерти. Я снимал не видовую картину об извержении, а фильм о жизни и смерти. Он сказал, что вырастил детей — они живут внизу, в городе, что он совершил все, что должен был в жизни совершить, поэтому он не боится судьбы и готов ее принять. Он хотел остаться там, где прожил жизнь. Мы нашли еще двух индейцев, не обнаруженных властями, — вы видели их тоже. Это удивительные люди со своим духовным миром, со своеобразным стоицизмом. Я не мог не снять о них фильм, даже если бы мне никто не заплатил...

Как это и должно быть в истинно документальном кино, неожиданную развязку заготовила сама жизнь: ожидаемое извержение так и не случилось, и стоицизм трех смертников был вознагражден.

Немного полемики

Если бы Вернер Херцог знал русскую литературу, он мог бы ответить своим оппонентам словами Пушкина — первого профессионального литератора в России: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать».

На самом деле, разумеется, все обстоит не так просто: прогрессивный кинодокументалист, желающий сохранить свой социально-критический пафос (а это есть смысл существования документального кино), вынужден оборонять свою независимость от вторжения коммерциализованных средств коммуникации, или, как их называют, «масс-медиа». С другой стороны, и средства эти, как я уже говорила, вовсе не спешат с распростертыми объятиями навстречу документалисту-публицисту. Тем более важным форумом становится для него фестиваль.

Но полемика по поводу такого своеобразного художника, как Вернер Херцог, «беззаконной кометы», по слову того же Пушкина, задевает краем и еще один существенный вопрос, вокруг которого давно уже идут споры в документальном кино. Грубо его можно было бы сформулировать как альтернативу «актуальность» или «художественность».

Есть свои достаточно серьезные причины, по которым документалисты столь агрессивно защищают права актуальности на своем фестивале: многие из них и берутся-то за камеру ради прямого вмешательства в социальные проблемы века. Иных правильнее было бы назвать публицистами, чем собственно кинематографистами. Борьба — смысл и оправдание существования прогрессивного документального кино.

Вот почему не только проблема «продажи рукописи», но и самая задача, ради которой отправился за океан Херцог, — и куда, в Латинскую Америку, бурлящую социальными противоречиями! — кажется им несвоевременной.

Опять-таки можно их понять. Но надо понять и художника, которого вечно волнуют вопросы жизни и смерти, смысла человеческого бытия перед лицом огромного мира, великое противостояние человека и природы и их глубинная связь — все то, о чем и ради чего Вернер Херцог взялся снимать извержение вулкана Лё-Суфриер.

Разумеется, все это не заменяет и не отменяет прекрасных кадров, снятых в той же Латинской Америке Яном Линдквистом, — этих подлинных документов социального неравенства, созревания человеческого гнева и осознания силы протеста. Актуальное кино обретает здесь качества художественности, и одно другому не противоречит. Но и личность художника со своим, своеобразным взглядом на мир, со своей гуманистической темой тоже имеет право на выражение, ибо кино не только средство коммуникации — оно еще и искусство.

Я выбрала эти два фильма в качестве примера и оттого, что они сняты в одном и том же регионе мира; и оттого, что они вызвали полярное к себе отношение; и потому, что они представляют два главных направления в сегодняшнем документальном кино: актуальное и поэтическое. И еще потому, что сложные проблемы повседневного существования документалиста на Западе тоже нуждаются в объяснении — «путь к соседям» не всегда бывает легок и прям, но другого пути, кроме диалога, навстречу друг другу нет.

Оберхаузен — Москва

[1] *В настоящее время прогрессивное военное правительство Перу завершило аграрную реформу в деревне. — Примеч. ред.*

Чарльз Шаар **МЮРРЕЙ**,
английский журналист

МУЗЫКА С ТОНУЩЕГО КОРАБЛЯ

Они стали взрослыми в неудачное для взросления время, время растерянности и ожесточения. Они заканчивали школу в семьдесят четвертом, семьдесят пятом, семьдесят шестом. Школу они ненавидели — если она к чему и готовила, то к безработице со средним образованием. Мысль об университете вызывала у них еще больший приступ ненависти — если он к чему и готовил, то к безработице с высшим образованием. Да и не было у родителей денег на это самое образование; жили они по большей части в трущобах Лондона и Манчестера, и главной заботой родителей было — как прокормить. Городские изгои, люмпен. Фамильных ценностей тут отродясь не водилось, духовных — крохи.

В семьдесят четвертом, семьдесят пятом, семьдесят шестом, семьдесят седьмом школа их выкинула в жизнь, и они пристроились в хвост длинной очереди на бирже труда. В очереди уже стояло более миллиона человек — экономический кризис, ничего не поделаешь, объяснили им, терпите! В очереди уже давно стояли те, кто старше их, — и они оказались врагами стоявших впереди, хотя бы потому, что молоды. Они возвращались домой после целого дня бесплодных шатаний, и отцы кричали: «Бездельник!» Они убегали из дома, слонялись кучками по городу, и их гоняли отовсюду: «Хулиганы, сопляки, шпана!»

Хулиганы, сопляки, шпана? (По-английски все это — «punk».) Вот и будем — панк! Вы нас ненавидите, а мы вас — в тысячу раз сильнее! Вам противно на нас смотреть — а мы сделаем себя еще противнее!

Они выстригали волосы и оставшиеся клоки смазывали вазелином — вот вам, тридцатилетние волосатики; да, мы хуже вас, потому что нам хуже. Нам бы ваши проблемы да тысячедолларовые хитовые песенки про всемирную любовь! Они размалевывали глаза и рты и напяливали непристойные юбчонки — вот тебе, мамочка, твои проповеди про то, что у хорошей девушки и жизнь будет хорошей! Они цепляли на рукава нацистскую свастику — вот тебе, папаша, сказки про героическое прошлое! Тебе, может, за прошлое работу дали? Ненавижу вас всех, не-на-ви-жу!

У панков появилась своя музыка, как появлялась она у любой молодежной группировки. Но прежние рок-кто-угодно, крича о ненависти к обществу, предлагали хоть какие-то, пусть наивные или вздорные, выходы из нее. Панк ничего не предлагает, он кричит о разрушении — и точка.

Первая панк-группа — «Секс Пистолз» — спела первую песню. «Есть сотни способов добиться того, что хочешь, и я воспользуюсь лучшим: я смету все кругом, мне все это осточертело. Да, я хочу убивать, ломать, крушить», — пел Джонни Роттен (настоящее его имя — Джон Лайдон. А Роттен — потому что у него гнилые, «rotten», зубы. Джонни — панк).

За «Секс Пистолз» пошли «Клэш», «Стрэнглерз», «Бойз»...

И общество услышало, буржуазное общество вознегодовало. Общество поняло, что какими бы ужасными ни казались раньше всякие «рок» и не «рок», все это было по сравнению с панками игрой. Многие раньше уже пугали и устрашали буржуа, но все это в конечном счете было игрой, и правила игры в конечном счете соблюдались. Панки ужасны тем, что они не играют в кошмар, они по-настоящему страшны.

И общество, добропорядочное и снисходительное общество, закаленное всеми предыдущими рок-выходками, возмутилось; сработал инстинкт самосохранения. Буржуа инстинктивно схватился за плетку — хватит либеральничать!

На панков ополчились даже рок-музыканты постарше — те, кто еще лет семь назад сами собирались переделывать общество, те, кто еще до сих пор взбивает пену из старых идей.

Английский журналист, материал которого мы ниже публикуем, спрашивает своих сограждан: «Что нам со всем этим делать?» Ответа нет. Но уже слышны голоса опрятно одетых лавочников, предлагающих переловить всех панков поодиночке. Но уже подает свой рассудительный голос более солидный бизнес: погодите, мы и панк пристроим. Он уже становится... моден. Появились «панки на воскресенье», вовсю торгуют булавками, цепями, свастиками, отрепьями в панк-лавочках Англии, Соединенных Штатов, Франции, а вполне уважаемые и процветающие фирмы грамзаписи продают ни на что не годную музыку панк, и пластинки раскупают вполне пристойные люди. «Что нам со всем этим делать?»

МУЗЫКА С ТОНУЩЕГО КОРАБЛЯ

Размахивая гитарами, словно электроплетками,
Ребята толпятся у проигрывателей,
Голодные и загнанные.
Они направляют свою взрывчатость
В рок-н-ролльные группы,
Что сражаются друг с другом на улицах
Страны джунглей.

Брюс Спрингстин, американский певец. «Джанглэнд».

Вольдемар — антинаци, но, похоже, главным образом потому, что люди, которые его окружают и которых он уважает, тоже антинаци. Если бы он попал под влияние какого-нибудь молодежного нацистского лидера, я бы не поручился за последствия. Он вырос в Берлине тридцатых годов и привык к коричневой униформе, массовым митингам, полицейским облавам, уличным избиениям — для него все эти вещи шли под ничего не значащим именем «политика».

Вольдемар — добродушный, легкомысленный, веселый парень, и я не думаю, что он сам способен к серьезному насилию, но совершенно очевидно, что жестокость других не шокирует его. Снова и снова я наблюдаю в юношах, подобных Вольдемару, эту зловещую восприимчивость к садизму, хотя они не читали маркиза Де Сада и зачастую даже не знают значения этого слова.

Кристофер Айшервуд. «Там, с визитом»

Вчера вечером по телевизору показывали запись прошлогоднего концерта Стива Хиллиджа в Гайд-парке.

Он пел о «любви, что вокруг нас», а я только горько посмеивался — таким резким было несоответствие этих его песенок (впрочем, вполне симпатичных и не вполне бессмысленных), всей этой хиппистской лапши, нынешнему стилю игры: теперь все чаще и чаще игроков уносят с линии — они получили раны, реальные раны, иногда ножевые.

Рок-н-роллербол![1] Черт побери, это лето никак уж летом любви не назовешь.

Сейчас рок-н-ролл подвергается самым серьезным нападкам за все время своего существования. Впервые пластинка стала «хитом» политических новостей. Два участника группы, что выпустила эту пластинку[2], были избиты на улице горожанами!

На группу и ее приверженцев устроена полицейская облава — конечно, драка во время концерта между братцем солиста Джона Роттена и французским фоторепортером была неплохим поводом, но отреагируют ли подобным же образом Стражи Наших Свобод, если на той же самой лужайке передерутся богатые туристы, которые сли-и-ишком — ик! — много — ик! — выпили — ик?!

Действительно, «Секс Пистолз» ныне вне закона: это дичь, на которую дозволена охота. Если Джонни Роттена убьют на этой неделе, многие в этой стране даже не удивятся — просто пожмут плечами.

В фарватере атак на Роттена и «Пистолз» идут атаки на остальных панков; в общем, битва продолжается, и она либо что-то весьма организованное, либо же признак массовой реакции на панк, реакции, которая уже, похоже, четко оформилась.

Скажу сразу: мне лично совсем не нравятся панки — что до музыки, то она у них примитивна, тексты песен глупы, и жестокость, присутствующая в этих текстах, — глупая жестокость; внешне они просто нарочито уродливы, да и эпатаж их, по-моему, глупый эпатаж, не имеющий ничего общего с когда-то «идейным» эпатажем, к примеру, «Роллинг Стоунз». Короче, их есть за что не любить. Но почему устроена на них псовая охота? Охота до полного уничтожения...

Джонни Роттен еще не объявлен главным врагом английской нации, но Джонни Роттен — самый известный и типичный представитель панка, его музыкантов и поклонников — уже стал общенациональным козлом отпущения.

Члены парламента и журналисты поносят его, радиостанции отказываются рекламировать его пластинки и запрещают проигрывать их, недоброжелательство местных властей не дает ему возможности прорваться на сцены... И его атакуют на улицах.

Граждане этой страны и служащие им информационно-развлекательные комплексы никогда доселе не были до такой степени озабочены ни одним из проявлений молодежной культуры.

Теды, битники, моды, рокеры, хиппи, бритоголовые, глиттеры — о нет, не идут они в сравнение!

Для стороннего взрослого взгляда панк-рок — самый злобный, безобразный, мерзкий, пугающий, отталкивающий и, главное, неудобопонятный вариант из всех доселе существовавших тупиков юношества. К тому же самый яростно ругаемый официально.

Десять лет назад хиппи тоже отвергали ценности пап-мам, ценности, которые Флит-стрит и электронные средства информации считали единственным барьером между нами и варварами, но их отрицание было более постижимо, потому что у них были и предложения, предложения, в общем-то, сладкие обывателю (то есть: Свободная Любовь, Конец Войнам, Легализация Наркотиков, Отмена Денег, Лучший Мир для Тебя и Меня, тра-ла-ла, и так далее, и тому подобное).

Панки же похожи на спущенного с цепи юного Франкенштейна в своем наиболее разрушительном и непредсказуемом варианте: они отвергают все эти ценности со злобным звериным рычанием.

Обыватели — наконец-то — поняли, что хиппи были хоть и странны, но, в общем-то, забавны.

Каждый хиппи, как это втайне подозревалось, превратил свои мозги в переливчатый сладкий крем при помощи целой батареи наркотиков; к тому же они постоянно твердили о свободной любви, что давало газетчикам возможность обвинять хиппи — скорее из зависти, поскольку последние, как казалось, лучше проводят время, чем проводят оное сами газетчики.

Но панки не столь привлекательны внешне, и пьют они побольше и менее изящно, чем тайные пьяницы-буржуа, то есть они как бы выпадают из системы Милейших Безбожных Увеселений, а значит, богобоязненное общество не имеет иного выхода, как уничтожить их.

Шалости хиппи были шалостями средней буржуазии; шалостями детишек, которые, если бы приняли то, что предоставляли им родители, устроились бы вполне прилично. А они, вот бедолаги глупенькие, предпочли из этого общества выпасть.

Панки — выходцы из семей лавочников и люмпен-пролетариата: им вроде бы неоткуда выпадать.

Этот город выбивает из нас душу, ребята,
Это — капкан, это — приговор к самоубийству,
Мы должны выбраться отсюда, пока мы молоды,
Потому что бродяги вроде нас рождены для бегства.

Брюс Спрингстин. «Рожденные для бегства»

Хиппи отвергали общество; общество отвергает панков. Потому что это общество всегда ненавидело, подавляло и старалось уничтожить тех, кто слишком открыто демонстрирует шрамы от столкновения с системой, в которой приходится жить: эти шрамы напоминают властям об их вине и поражении.

Жестокость, воспеваемая панк-роком, шокировала наше общество как раз потому, что она явилась самым простым, а потому ужасающе четким отражением жестокости самого общества. И поскольку насилие неминуемо рождает насилие, положение становится все более угрожающим.

Дело-то в том, что жестокость панка, как и вообще рок-н-ролльная жестокость, — это метафора, но жестокость, с которой на нее реагируют, более чем реальна.

В ранних представлениях ансамбля «Ху» или Джими Хендрикса, в «Полуночном бродяге» ансамбля «Роллинг Стоунз» было куда больше жестокости, но каким-то образом все было подано так, что ни один зритель, кроме разве уж явных психов, не воспринял ее как знак личного поведения артистов. Рок-н-ролл так бесстыдно флиртовал с насилием все эти двадцать лет, что нет ничего удивительного, что некоторые люди не видят разницы между театром и жизнью: после того как в Нью-Йорке вышел на экраны фильм Майкла Уиннера «Жажда смерти», целая группа благообразных моральных уродов вооружилась винтовками и начала стрелять в ни в чем не повинных бородачей и волосатиков, полагая, что они-то и есть дьяволоподобные наркоманы.

Жизнь, мне кажется, наиболее ловко имитирует искусство, если искусство начинает заигрывать со злом.

Рок-н-ролл — самая влиятельная форма искусства в этом отношении еще и потому, что артист появляется на сцене как бы без грима, как он есть. Киноактер Клинт Иствуд играл Грязного Гарри[1], Кристофер Ли играл графа Дракулу, но никто не верит, будто Клинт Иствуд сам может ни с того ни с сего выстрелить в прохожего, а Кристофер Ли вгрызается в сонные артерии граждан на предмет попить свежей кровушки (я его как раз сегодня видел, так что можете мне поверить — это не так).

Но Джон Роттен появляется на сцене совсем в не театральном

---

[1] *«Роллербол» — фантастический фильм американского режиссера Нормана Джуисона, в котором рассказывается о «гладиаторах будущего». «Ровесник» писал о нем в № 1 за 1976 год. — Примеч. ред.*

[2] *Речь идет о пластинке группы «Секс Пистолз» «Боже, храни королеву» — она вышла в дни празднования 25-летия правления королевы Елизаветы. Через неделю цензура запретила продажу пластинки, так как «она содержала прямые оскорбления Ее Величества». — Примеч. ред.*

[1] *О фильмах «Грязный Гарри» и «Жажда смерти» «Ровесник» писал в № 12 за 1977 год. — Примеч. ред.*

виде, а так, будто только что пришел с улицы, и потому он, как частное лицо, становится вроде бы ответственным за действия созданных им сценических образов: вот добрые патриоты и лупят на улице Джона Роттена.

Прежде с рок-звездами такого не случалось.

Их могли привлечь к судебной ответственности за хранение и употребление наркотиков, за нарушение правил уличного движения, за что угодно, но их появление на улице никогда еще не было сигналом к тому, чтобы подойти и сбить их с ног.

Причина, почему они не могли выходить на улицы просто так — заскочить в бар, порыться в книжной лавке, — заключалась в том, что кто-нибудь обязательно узнавал их, кругом собиралась целая толпа, и уж ни о каком деле и речи быть не могло.

Звезды обычно создаются людьми, которые любят их; нужны внимание и любовь публики, чтобы артист превратился в звезду.

Конечно, многие из прежних крупных звезд рок-н-ролла не выдержали морального экзамена. Честно говоря, это не было такой уж их виной (хотя многие из них действительно вели себя неважно): просто «звездизм» — это ненормальное условие для существования, и он производит ненормальный эффект на людей.

Он несет в себе бесконечные искушения: настоящий ящик Пандоры, в котором лежат все те желания, на которые запрограммировали застенчивого, подавленного подростка. Слава, престиж, деньги, обожание, всеобщее внимание — то, чего жаждал ты в юности и чего в юности же был лишен.

Все это так, но звездная болезнь по-разному затрагивает разные рок-головушки: кто-то превращается в подонка, кто-то просто не выдерживает напряжения и соскакивает с лошадки. Такие звезды становятся алкоголиками, наркоманами, их работа страдает, и они постепенно сходят с ума.

Другие пытаются выйти из системы и стать принципиальными антизвездами, но ведь это требует огромной силы воли и дара.

Одна из причин, почему у нас появилась новая рок-волна — а именно панк, — состоит прежде всего в том, что появилось достаточно много людей, которым надоели прежние обитатели рокнролльного пантеона, и эти люди породили новое гогочущее стадо рок-групп и, следовательно, аудиторию для них.

Но чрезвычайно наивно думать, что тот, кто попытается разрушить «систему звезд», сам не пострадает при этом: средства массовой информации не могут обойтись без звезд.

Наши радио, телевидение, кино, политика, спорт — все они создают своих звезд: звездизм изначален и неизбежен. Все эти разговоры о разрушении «звездной системы» — чистая утопия: если вы собираетесь делать фильм, вы должны иметь кинозвезду; если вы занялись рок-н-роллом, вам необходима рок-нролльная звезда.

Если вы успешны в рок-н-ролле, вы неизбежно станете рок-нролльной звездой. Единственное, что можно сделать со звездой, если она отбилась от рук, — это выразить массовый вотум недоверия — не приобретать пластинки, или же владельцы концертных залов перестанут блудную звезду приглашать — во всяком случае, звезду можно приструнить или же вообще выбросить вон.

Но тогда надо будет кем-то ее заменить.

Сейчас средства массовой информации, почувствовав, что они перекормили публику национальными — и даже межнациональными — звездами, принялись обличать, клеймить, проклинать. Средства массовой информации обожают скандалы, и они превратили панк-музыкантов в общенациональный скандал, сделав их мишенью для национального негодования.

Джон Роттен — Национальный Негодяй Номер Один.

Его имя и его облик синонимичны — в массовом сознании — всему движению в целом. Его сделала звездой ненависть.

Он как бы олицетворяет собой все то, что неладно в этой стране, а неладно в ней многое.

Итак, «система звезд-77» установлена, и Джон Роттен тоже установлен в эту систему. И не умным менеджером и своей музыкой, а всей этой болтовней средств информации, которые только и ищут, какую новую мишень для массового негодования можно создать из подходящего человеческого материала, развязывают насилие, а затем гордо клеймят его.

Люди прибегают к насилию по многим причинам, здесь, конечно, срабатывает сложное сплетение факторов.

Прежде всего люди прибегают к насилию, когда они чувствуют свое бессилие, когда они не способны сформулировать свое неудовлетворение или же сделать свои чувства, свои взгляды и даже существование значимыми любым другим путем.

Так же, как самодельные надписи-рекламы на стенах — послание миру от тех, кто не имеет денег на то, чтобы закупить место для рекламы, как это делают большие компании, уличное насилие — это сигнал, послание от тех, чья ненависть настолько поглощающа, что он вынужден дать этой своей ненависти поглотить что-то — или быть поглощенным ею.

Известные и неизвестные панк-музыканты стали дичью для всех тех, кто может самоутвердиться только при помощи разрушения.

Но насилие рождает насилие, и неспособность отличить жестокость как метафору, жестокость как средство выражения каких-то идей от настоящей, реальной жестокости нашей жизни ведет к тому, что обыватель, просмотрев фильм или программу рок-музыки, удаляется в свою спальню, лелея мечту — можно я скажу так? — об отмщении.

Одной из основных теорий артистов и критиков была теория о том, что стилизованная, драматизированная жестокость становится как бы катарсисом; то есть лицезрение фильмов ужасов изгоняет из аудитории дьявола. Подростки, которые смотрели, как Элис Купер[1] совершает на сцене ритуальное убийство и подвергается за это ритуальному наказанию, должны вроде бы меньше желать насилия.

Теория жестокости как очищения больше не срабатывает у нас. Эта страна готова к коренному повороту к настоящему насилию — и более по вине политиков, чем по вине Джонни Роттена. И факт, что каждый, кто чувствует сейчас себя подавленным, может повернуться к любому находящемуся под рукой объекту в тщетной и глупой надежде, что, истребив ближайший раздражитель, он каким-то образом найдет удовлетворение и обретет иную, лучшую жизнь. Эта слепая, увечная ярость заставляет обитателей черного гетто Америки убивать друг друга вместо того, чтобы стереть с лица земли Уолл-стрит. Эта же ярость заставляет лишенных элементарных гражданских прав парней избивать Кида Рида из группы «Бойз» на автобусной остановке.

В конце концов, так ли уж важно, кто играет и поет — Джерри Ли Льюис или «Черный шабаш», Йони Митчелл или «Проклятые»? Мы все находимся на одном тонущем корабле, и вряд ли мы можем спастись, изрезав в куски соседа-пассажира. Неужели мы до такой степени закручены, задавлены, что уничтожаем друг друга в то время, как Молох и Маммона остаются невредимыми?

Неужто мы собираемся быть настолько тупы всю жизнь, что им удаются даже самые простые трюки?

Неужели нами действительно так легко манипулировать?

Вначале я процитировал Кристофера Айшервуда, но не потому, что хочу разразиться обличительной речью о возможном возрождении нацизма (я серьезно уверен, что до геноцида дело все-таки не дойдет, хотя постучите-ка по дереву!), нет, я хочу сказать: мы так уже погрузились в насилие, что не отличаем истинной жестокости от театральной.

Мы, похоже, довели себя до такой ситуации, когда высказывание философа поп-культуры Энди Уорхола «В будущем каждый будет знаменит на пятнадцать минут» вполне можно прочесть и так: «В будущем каждый, кто станет звездой, будет убит через пятнадцать минут». По-моему, если мы дожили до такого, тогда те, кто против нас, — они правы.

Если мы потеряли перспективу до такой степени, что принимаем ближайшие цели за цели дальние, то тогда те, кто против нас, — они правы.

И если мы не сплотимся, не свяжем себя одной веревкой, на этой веревке нас вздернут поодиночке.

Слушайте. На какой вы стороне? Во что вы верите?

Вы — часть проблемы или вы — часть решения этой проблемы?

И снова: что нам всем со всем этим делать?

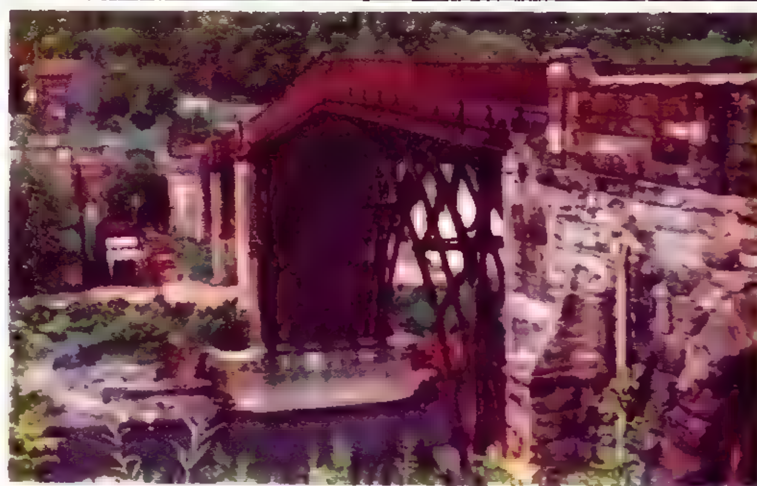
Улицы кружатся в пламени,
В вальсе смерти.
Меж реальностью и фантазией.
Поэты Америки ничего уже не пишут,
Они стоят в сторонке и позволяют,
Чтобы все это было так.
Если же в какой-то момент
Они пытаются сказать что-то честное,
Их сметают, они падают, раненые,
Даже недобитые.
Это происходит сегодня вечером в Джангллэнде.

Брюс Спрингстин. «Джангллэнд»

Перевела с английского Н. РУДНИЦКАЯ

---

[1] *Об Элисе Купере и его «роке ужасов» «Ровесник» писал в № 4 за 1975 год. — Примеч. ред.*

МУЗЕИ БУДУЩЕГО, МУЗЕИ О БУДУЩЕМ

Самым лучшим музеем Англии прошлого года был признан музей «промышленной археологии» в городке Айренбридж, в Шропшире. Доменная печь 1709 года, подъемные механизмы, печи для обжига фарфора, шлюзовые устройства, старинные орудия труда — короче, документальные свидетельства промышленной революции, возвестившие в 1830 году о наступлении эры паровых машин и железных дорог.

Как считает директор Нейл Коссонс, у подобных музеев большое будущее: когда-нибудь их экспонаты будут не менее ценны, чем сегодня для нас пирамиды Египта и Колизей Рима. На снимке: первый в мире железный мост.

Многие экспонаты другого музея в небольшом швейцарском городке Ивердон обязаны своим появлением на свет тому энтузиазму, который вызвали в прошлом веке успехи промышленности. Музей в Ивердоне — собрание утопий. 25 лет коллекционировал Пьер Верзен чудаковатые прожекты, смелые гипотезы и облеченные в чертежи полеты фантазии, а собрав, подарил свой музей городу. Перед вами, читатель, один из экспонатов — «школа будущего», как ее представил себе в прошлом веке французский художник.

КОРОЛЕВСКАЯ РАТЬ МЕДИТИРУЕТ

Каждый вторник предприниматели, банкиры, клерки — ну, не вся, разумеется, королевская рать лондонского Сити, а лишь наиболее притомившиеся добровольцы собираются в церкви Сент Мэри Вулнот и, прилегши на пол, предаются «расслаблению и медитации». Заслушав в заключение несколько отрывков из Библии — «дабы ощутить в себе покой и благолепие», — говорит викарий Хординг, финансисты встают, отряхиваются, тактично будят своих задремавших коллег — и вот уже вся королевская рать спешит к своему властелину — с каждым днем теряющему силы фунту стерлингов.

РЕЛИГИЯ И ЖИЗНЬ. Священник деревни Хёллефорд (Швеция) закончил проповедь обращением к прихожанам принести ему любое печатное слово, которое «отравляет разум и растлевает душу». На следующий день деревенский кузнец принес ему извещение налогового управления.

ГЕОГРАФИЯ. Похоже, наступают для географов нелегкие времена. Потому что студенты Техасского университета Десмонд Флетчер и Дэвид Бентли придумали такую штуку: набрали отходов алюминиевого производства, свалили в залив неподалеку от города Галвестона, пропустили по ним постоянный ток. Соли, содержащиеся в морской воде, накрепко соединили куски алюминия, пустоты ребята заполнили шлаком, сверху насыпали земли — и готов один остров на одного человека. И патент для друзей-изобретателей. Теперь каждый, купив его, может сам выстроить себе остров или мыс по вкусу — отходов-то хватает.

КОВБОИ И ВЕРБЛЮДЫ

Если вы, читатель, до сих пор не знали, что в Австралии водятся верблюды, не тушуйтесь: об этом не подозревают и большинство самих австралийцев. Так, во всяком случае, утверждают корреспонденты западногерманского журнала «Штерн», заснявшие сцену отлова верблюжонка. По подсчетам ученых, в центральных пустынных районах пятого континента бродят стада верблюдов, насчитывающие 120 тысяч голов!

Первая пара — верблюжьи Адам и Ева — была куплена у бродячего цирка организаторами крупной экспедиции в глубь материка Робертом О'Харой Бэрком и Джоном Уиллсом в 1861 году. «Корабли пустыни» зарекомендовали себя с лучшей стороны, и к началу нынешнего века в Австралии их было уже около 600. Но тут появился автомобиль, и о верблюдах за ненадобностью забыли. Предоставленные самим себе, они расплодились и одичали в безлюдных пустынях Центральной Австралии. Кое-кто из фермеров изредка отлавливает по нескольку верблюдов — на продажу в зоопарки, а то и просто ради развлечения — для ежегодных верблюжьих скачек, которые устраиваются в высыхающем русле реки неподалеку от единственного в этих краях города Алис-Спрингса.

НОВОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ. Десятилетние ученики одной из парижских школ писали обычное сочинение на обычную тему: «Что бы я сделал, если бы был волшебником?» Дети ответили так: «Я построил бы магазины, в которых продавали бы подешевле еду для бедных»; «Я построил бы большие дома для людей, которые живут в старых плохих квартирах»; «Я дал бы бедным деньги и построил приюты для пожилых»; «Я бы построил заводы, чтобы дать работу безработным».

«Если бы я была волшебницей, — сказала учительница корреспонденту газеты «Юманите», — я сделала бы так, чтобы наши дети больше всего хотели наесться до отвала мороженым».

ГЕНЕРАЛЫ НАСТУПАЮТ. Американский еженедельник «Пэрейд» провел недавно подсчет генералов и адмиралов в вооруженных силах США. Как выяснилось, число их в 1977 году достигло рекордной цифры — 1165, то есть по одному на каждые 1800 военнослужащих.

Это куда больше, чем во время второй мировой войны и во время войны во Вьетнаме. Сенатор Сэм Нанн с сарказмом заявил по этому поводу, что столь явная тенденция к росту высшего командного состава в мирные времена, возможно, заставит и Пентагон по достоинству оценить мир.

ГАРРИ БЕЛАФОНТЕ ГОВОРИТ...

Гарри Белафонте — «король калипсо» — был первым негритянским певцом, которого пригласили выступать в концертном зале Атланты. (Атланта, штат Джорджия, сердце расистского Юга.) Он поставил тогда одно условие: в зал должны впускать всех желающих — независимо от цвета кожи. «И вот когда я запел одну из своих песен, народную песню, хорошо знакомую всем, зал стал хором подпевать. Пели все — и черные, и белые, пели, дружно взявшись за руки. И я был счастлив: я достиг своей цели, я заставил их почувствовать, хотя бы на время, что они — одно целое, один народ, что у них одни надежды и одни стремления, и нельзя им быть врагами. Тем, что мои песни имели определенный политический смысл, я обязан крепкой дружбе, которая связывала и связывает меня с такими людьми, как доктор Мартин Лютер Кинг, Пит Сигер, Поль Робсон, Мириам Макеба. Это они помогли превратить песни в оружие.

В этом году я получил приглашение приехать в Гавану, на XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Конечно же, я поеду: что может быть интереснее, почетней и ответственней для певца, чем выступить перед такой аудиторией?!»

Сборы от своего последнего турне Гарри Белафонте передал в фонд фестиваля.

ВИТОК МОДЫ

1950: Кавалеры приглашают дам. Молодые люди из высшего общества посещают танцшколы: тут учат не только вальсу, танго, фокстроту, но также этикету и хорошим манерам. Аккуратные прически, двубортные пиджаки, белые манишки, бабочки.

1968: Никто никого не приглашает. Английская королева Елизавета танцует рок-н-ролл на приемах в Вестминстерском дворце, и танцшколы имеют один шанс выжить: стать дискотеками. Свитеры, джинсы, кеды. Аристократы стали демократами: если бы никто не знал, что папа этого юноши владеет сталелитейными заводами, все бы решили, что этот юноша — грузчик.

1978: Ренессанс! Графиня Луксбург преподает танцы и этикет в одной из танцшкол в Мюнхене и объясняет, для чего: «Для того, чтобы дети знали, как себя вести, когда на балу они будут представлены какому-нибудь графу или барону». На снимке: кавалеры приглашают дам. Элегантный наклон аккуратно причесанной головы. Позвольте, мадам, фройляйн, мисс? Мадам, фройляйн, мисс сидят, сложив руки на коленях и скрестив ножки под стулом... Демократы вновь стали аристократами.

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ ФИЛИПП

О ком говорят в Западной Колумбии (Канада)? Героем дня стал неожиданно младенец. Но не простой, а принципиальный. Дело в том, что директор детского сада «Грейс Кристиан скул» наотрез отказался принять в свое заведение четырехлетнего Филиппа Уитриха. Причина: «длинные сверх всякой меры волосы». Филипп, однако, твердо стоит (хотя он и не так давно это делает) на своем: плачет, но к парикмахеру идти отказывается.

СЕМЬ ПАЛЬЦЕВ ХУДОЖНИКА

Третьим художником (после Пикассо и Брака), увидавшим свои картины в знаменитом Лувре, стал девяностолетний Марк Шагал. Выставлены 72 картины, написанные им после 1968 года. 35 из них созданы за последние два года.

Необычен мир Шагала, да и сам он объясняет его своеобразно: «Я ничего не понимаю в своем рисовании, а главное — не спрашивайте меня, почему я рисую то или это, так, а не иначе. Не знаю. Знаю другое: здесь мои горести и радости... все, что я видел в моей жизни: рождение и смерти, невесты и свадьбы, цветы и животные — осел, корова, петух, птицы; бедняки-рабочие, крестьяне, циркачи, жонглеры, уличные ангелы...»

«Мой возраст, — говорит Шагал, — имеет свои преимущества. Они в возможности нарисовать, как течет жизнь, — от рождения до самой смерти. На этом полотне уместится множество событий, скрытых под толщей краски. Оно полно воспоминаний, и суть его — суть целой жизни».

Как-то в шутку, а больше всерьез Марк Шагал заметил: у художника должно быть семь пальцев. Пять обычных для обычного рисования. И два своих — палец памяти и палец цвета — для своего рисования.

«ПОЧЕМУ Я ПРЫГАЮ? — ПОТОМУ ЧТО НЕ МОГУ НЕ ПРЫГАТЬ»

В. ГЕСКИН

Монреаль, август 1976

Операторы четыре раза показали последний прыжок Яцека Вшолы. Прямая передача шла через спутник связи. Высокий светловолосый парень разбегался широким шагом, но тут операторы замедляли ход пленки, и на экране, по которому ползли мутные полосы, возникала странная картина: прыгун скользил по воздуху вверх, останавливался над планкой на более чем двухметровой высоте, ни за что не держась, ни на что не опираясь, и с той же невозмутимой деловитостью съезжал по воздуху вниз. Смотря, как Яцек Вшола раз за разом четыре раза совершает плавные лунные прыжки, человек у экрана приходил к единственно возможному выводу: на олимпийском стадионе в Монреале гравитация ослабла в несколько раз. Диктор комментировал прыжок: «Это большой успех польского спортсмена... молодого Яцека Вшолы... борьба была напряженной, победил сильнейший... хотя результат невелик по нынешним меркам: два двадцать пять...» Рядом, в секторе для метания, стокилограммовые мужчины отчаянно боролись с гравитацией: с криком толкали ядро, ядро летело над землей и непременно падало.

В редакции «Советского спорта», где я работаю, победа Вшолы на Олимпийских играх вызвала настоящий переполох. Нас буквально завалили просьбами рассказать о Вшоле. Но нам, к нашему стыду, было мало что известно.

— Вот что! — сказал мне редактор отдела, — материал о Вшоле нам нужен, добывайте где хотите.

Я перерыл в библиотеке подшивки польских газет и написал заметку из тех, под которыми подпись автора не ставят, а скромно пишут: «по материалам зарубежной печати». В заметке было сказано:

«Все началось в 1961 году. В редакцию молодежной газеты «Штандар млодых» пришел преподаватель физкультуры Роман Вшола. Пришел с просьбой: «Помогите мне, я хочу, чтобы ко мне приходили ребята заниматься спортом». Вскоре в газете появилось объявление: «Роман Вшола приглашает...» Так у преподавателя физкультуры появились ученики. И среди них — четырехлетний Яцек, сын Романа. Теперь тренер-отец с напускной грустью вздыхает: «За всю свою жизнь я сумел воспитать только одного спортсмена мирового класса, да и тот — надо же! — мой сын...» Девятнадцатилетний Яцек не рассчитывал на победу в Монреале. «Я надеялся, что сыну удастся завоевать медаль, но не золотую, — говорит Роман Вшола. — Я не сомневался в победе Стоунза. Может быть, нам помогло как раз то, что мы даже не планировали борьбу за золото. Поэтому Яцек был спокоен. А Стоунз перегорел...»

Дуайт Стоунз, американский прыгун, обладатель мирового рекорда, сказал незадолго до Олимпийских игр: «Я хочу выиграть Олимпийские игры в Монреале. Но выиграть так, чтобы от ближайшего конкурента меня отделяли восемь-десять сантиметров. Если для этого придется установить мировой рекорд — тем лучше...» Стоунз не просто хотел выиграть у того или иного соперника: Стоунз хотел перепрыгнуть соперников на целую эпоху. (Для того чтобы поднять планку на три сантиметра — с 228 до 231, прыгунам понадобилось тринадцать лет.)

До Монреаля Яцек Вшола встречался с Дуайтом Стоунзом дважды на соревнованиях в 1974 году. Стоунз вряд ли запомнил тогда семнадцатилетнего польского прыгуна. Вшола оба раза проиграл Стоунзу. Яцек Вшола тоже думал об Олимпиаде и тогда, в 1974 году, изучал технику прыжков Дуайта Стоунза по кинопленкам, подмечал сильные и слабые стороны рекордсмена мира, других прыгунов, в которых видел сильных соперников... «Должен заметить, — говорит Яцек Вшола, — что я больше старался понять сильные стороны спортсменов, чем выискивать слабые. Поэтому к Олимпиаде Стоунз и другие перестали быть для меня «мистерами Икс».

Варшава, август 1976

Сразу после Олимпийских игр в Варшаве состоялся тройственный матч по легкой атлетике СССР — ГДР — Польша. Яцек Вшола прыгнул на 218 сантиметров и проиграл сразу трем прыгунам: Байльшмидту (ГДР), Будалову и Кибе (СССР). Из радиорубки стадиона Яцек Вшола обратился к болельщикам, которых собралось больше десяти тысяч: «Прошу прощения за неудачное выступление. Спорт есть спорт. Вчера ты был победителем, сегодня терпишь поражение, а завтра побеждаешь вновь».

София, август 1977

Мы встретились с Яцеком Вшолой в августе 1977 года в Софии, в студенческом городке имени Христо Ботева. Здесь жили участники Всемирных студенческих игр, Универсиады. В пресс-центре мне сказали адрес Яцека Вшолы: Блок 42-А, комната 115.

Комната эта совсем маленькая: две кровати, стол да пара стульев. Один из живущих здесь — Яцек Вшола — сидит напротив меня и с ехидством в глазах (сколько уже было этих интервью? Все журналисты одинаковы) дожидается моего первого вопроса. Обычно интервью со спортсменами проводят после соревнований. Но мне думается — это ошибка. Все победители одинаковы в своей радости, все проигравшие огорчены, пытаются найти причину поражения. По опыту знаю: самые откровенные разговоры бывают за день до старта. Вшоле предстоит выступать завтра.

— Яцек, — говорю я, — судя по вашему ироничному взгляду, вас часто интервьюируют журналисты?

— Да, — улыбается Яцек Вшола. — Как правило, их вопросы не отличаются оригинальностью.

— Вот этого я и боялся! — говорю я. — Давайте, чтобы не повторять ошибок моих предшественников, проведем такой эксперимент: пусть Яцек Вшола отвечает на вопросы Яцека Вшолы.

— Хорошо. Вот мой первый вопрос: «Почему я прыгаю?»

Потому что не могу не прыгать. Прыжки — моя жизнь, боль, счастье. Недавно мне приснилось, что пришло время проститься с сектором, с планкой. Это был страшный сон.

Нет, это не ответ. Конечно, настоящий музыкант не может не играть. Но было время, когда музыка не была самым главным в его жизни. Значит, какие-то люди и какие-то обстоятельства способствовали тому, что он стал музыкантом.

Привел меня в спорт отец. Когда-то он сам был спортсменом, но неважным. О медалях и титулах ему оставалось только мечтать. Он был неудачником. И он надеялся, что его сын добьется всего того, что не удалось ему. Отец учил меня быстро бегать, далеко метать, высоко прыгать. Я всегда понимал, что не могу его подвести. Даже специализироваться в прыжках в высоту я стал только тогда, когда понял: именно здесь я могу сделать мечты отца явью.

Деятельность человека всегда должна быть направлена на то, чтобы приносить радость другим. Поэтому на свой вопрос я отвечу так: я прыгаю потому, что приношу радость по крайней мере одному человеку — моему отцу.

Вот мой второй вопрос, — сказал он. — «Чем меня привлекают прыжки?»

Недавно в одном журнале я прочитал заметку о том, какой вид легкой атлетики самый популярный. В США больше в почете спринт. В Англии — забеги на милю. В СССР по сравнению с другими странами особым уважением пользуется метание молота. Но если брать не отдельные страны, а весь мир, самыми популярными окажутся прыжки в высоту.

Наши соревнования — это всегда представление, действо. В прыжках в высоту очень много поэзии и артистизма и, как ни в одной другой дисциплине, много настоящих артистов... Дуайт Стоунз — резкий, экстравагантный, вспыльчивый, яростный. Его называют Бобби Фишером легкой атлетики. Он требует, чтобы сектор для прыжков выносили в центр поля — он требует уважения не к себе, к прыжкам. Рольф Байльшмидт — тихий, дружелюбный человек с железным характером. Он массивнее других, ему не хватает гибкости, и Рольф компенсирует этот недостаток силой — не только физической, но и силой воли. Я думаю, он мог бы преодолеть планку на двухметровой высоте даже с мешком муки... Улыбчивый Саша Григорьев — тот все делает с оглядкой на публику, он любит быть в центре внимания. Прибавьте к этой компании гениального новичка Владимира Ященко, который недавно установил новый мировой рекорд — 233 сантиметра, и вы поймете, какие мы все разные.

Нас объединяет только одно: мы все ученики Брумеля, мы все начали заниматься спортом под впечатлением его огромного таланта. Стоунз, например, впервые узнал о прыжках в высоту, увидев по телевизору репортаж о матче СССР — США, когда Брумель установил новый мировой рекорд. Дуайт рассказывал, что на следующий день он вырыл во дворе прыжковую яму, смастерил стойки и стал прыгать.

У меня есть мечта — познакомиться с Брумелем. Я бы спросил: как тебе удалось все это? Шесть раз улучшать мировой рекорд — на это способен только великий спортсмен! В 1963 году Брумель прыгнул на 228 сантиметров. Кто сейчас откажется от такого результата? Но ведь тогда условия были совсем другие: не та обувь, не те маты, да и покрытие было земляное. Брумель опередил свое время. Я бы спросил: как ты тренировался, как готовился? А потом бы слушал, раскрыв рот.

Вопрос номер три: «Я могу перечислить целый ряд великих прыгунов прошлого. Нашему виду спорта везет на выдающихся личностей. Почему?»

О прыжках в высоту и в длину

Как-то под Новый год мы в редакции решили опубликовать рассказ-розыгрыш. Мы выбрали рассказ, в котором «разоблачался» олимпийский чемпион американец Дик Фосбери. Как известно, Фосбери изобрел оригинальный способ прыжка — так называемый «флоп», когда спортсмен преодолевает планку, находясь спиной к ней. В рассказе утверждалось, что американцу помогали пришельцы с другой планеты, которые снабдили спортсмена таинственным трезубцем и загадочной черной жидкостью. Трезубец переворачивал Фосбери в воздухе, а жидкость поднимала его на необходимую высоту.

Читатели поверили! Пришли десятки писем с откликами на статью. «Требую отобрать золотую медаль у Фосбери, — писал пожилой инженер. — Она заработана нечестным путем: у других не было трезубца и черной жидкости». «Опубликуйте фотографию таинственного пришельца, у которого нет ни подбородка, ни носа, а кожа зеленая», — просила группа болельщиков.

Потрясенные реакцией нашей читательской аудитории, мы опубликовали еще один рассказ, в котором «разоблачали» Боба Бимона, установившего в олимпийском Мехико феноменальный мировой рекорд — 890 сантиметров — в прыжках в длину. Мы утверждали, что в момент знаменитого прыжка пришельцы отключили гравитацию.

Этому никто не поверил! «Зачем газета публикует всякие небылицы?!»

О гравитации. Мечта спортсмена

Отрывок из статьи Джона Холуэя «Путешествие к Фра-Мауро» о полете «Аполлона-14» на Луну:

«Перед тем как подняться на борт «Антареса», Шепард установил своеобразный космический рекорд: он привинтил к универсальному лунному щупу нижнюю часть гольфовой клюшки, вытащил мячик и ударил по нему. В условиях небольшой гравитации и отсутствия воздуха мячик, как пуля, полетел вдаль. «Пошел! — радостно закричал Шепард. — Да как прямо... на мили и мили». Затем он, словно копье, метнул и самодельную клюшку на весьма значительное расстояние. «Вот как надо метать копье! — воскликнул он. — Пожалуй, я установил рекорд столетия. Недурно! Нет, просто замечательно!»

Последний вопрос задал я. Что думает олимпийский чемпион о завтрашней дуэли с Григорьевым?

— Запомните, — сказал Вшола серьезно. — Чемпионом Универсиады стану я. С результатом 222 сантиметра. Этого будет вполне достаточно для победы.

Когда прыгуны вышли на беговую дорожку стадиона имени Василия Левски, диктор представил каждого из них публике, перечисляя титулы и звания. Дважды стадион взрывался аплодисментами: олимпийский чемпион Яцек Вшола, Польша! И Александр Григорьев, СССР!

Болельщики на трибунах, журналисты в пресс-центре отдавали предпочтение Григорьеву. Личный рекорд Григорьева — 230 сантиметров. Вшола так высоко никогда не прыгал. Но у Григорьева что-то не ладилось, и в этот раз он взял лишь высоту 219 сантиметров. Когда планку подняли еще на три сантиметра, Вшола остался в одиночестве. С третьей попытки он взял высоту.

Операторы прокрутили пленку в замедленном темпе, и на экране возник прыжок во всех его деталях и подробностях. Высокий светловолосый парень разбегался широким шагом, отталкивался и летел вверх так, что оказывался спиной над планкой. Операторы останавливали пленку, стоп-кадр: лицо Яцека Вшолы искажено напряжением, одна рука выброшена вверх, ноги, согнутые в коленях, еще не перелетели через планку. Потом кадры в том же замедленном темпе ползли дальше, Яцек Вшола плавно скользил по воздуху, при этом создавалось впечатление того, что гравитация исчезла, и человек у экрана видел, что Яцек Вшола берет высоту с запасом в несколько сантиметров.

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, Ю. А. ГОРЯЧЕВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный секретарь), Б. А. СЕНЬКИН

Художественный редактор О. С. Александрова

Оформление М. М. Ракитнина

Технический редактор В. Н. Савельева
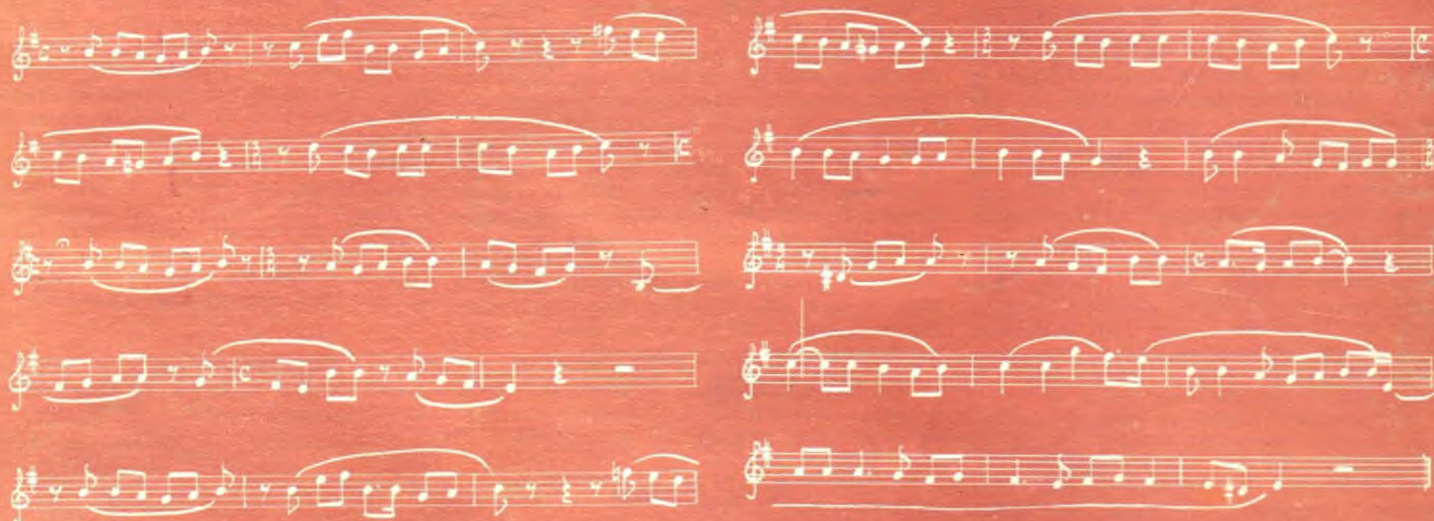
Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 19/XII 1977 г. Подп. к печ. 25/I 1978 г. А05528. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,7. Тираж 470 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 2256.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

В ноябре прошлого года в Москве проходила декада кубинских грампластинок — декада традиционная, вот уже несколько лет проводится она в разных городах Советского Союза. В предфестивальном году представители кубинской фирмы «Эгрем» привезли в основном записи молодых музыкантов.

Песню с одной из пластинок «Эгрем» — ее записал поэт, композитор и певец Сильвио Родригес — мы и публикуем на этой странице обложки. Называется она «Маленькая дневная серенада», русский текст А. Хвостова.

1. В стране моей красивой,
Такой свободной,
такой счастливой,
С моим народом живу я
вместе —
Свободе, миру слагаю песни.
2. О том, как сладок
Вкус свободы,
Поет гитара моя народу,
Поет серенаду моей стране.
3. И эту солнечную серенаду
Поет со мной любовь моя.
Я счастлив свободой,
я счастлив любовью.
Но помню — счастье добыто
кровью.
4. За это счастье прошу
прощения
У всех погибших в святой
борьбе,
У всех, чьим жизням я жизнью
обязан,
У всех, чьи судьбы —
в моей судьбе.

1. Vivo en un pais libre
cual solamente puede ser libre
en esta tierra, en este instante,
y soy feliz porque soy gigante.
2. Amo a una mujer clara
que amo y me ama sin
pedir nada,
o casi nada (que no
es lo mismo),
pero es igual.
3. Y si esto fuera poco,
tengo mis cantos que,
poco a poco,
muelo y rehago habitando
el tiempo
como le cuadra a un hombre
despierto.
4. Soy feliz, soy un hombre
feliz, y quiero que me perdonen
por este dia
los muertos de
mi felicidad.

Индекс 70781
Цена 25 коп.